

Социальная история отечественной науки и техники

Т. И. УЛЬЯНКИНА

«В ЦЕЛЯХ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ РУССКОЙ НАУКИ»

(история Русской академической группы в США) *

По мере сил... работать, трудиться, исполнять, не терять совесть, а остальное – воля Бога и судьбы.

П. А. Сорокин

Соединенные Штаты Америки – страна, давшая убежище многим российским беженцам, в том числе ученым, инженерам, техникам, как до, так и после октябрьской революции 1917 г. Страна, – где влияние российской научной эмиграции на развитие национальной науки и техники было достаточно ярко выражено на протяжении всего XX века.

Пять волн эмиграции из России в США: дооктябрьская (1865–1917 гг.), послеоктябрьская (1917–1945 гг.), послевоенная (1945–1952 гг.), диссидентская (с конца 60-х гг. – до 1990 г.) и, наконец, современная, или постперестроечная (с 1991 г. до настоящего времени, связанная с “утечкой умов” и исходом россиян по этническому признаку, прежде всего немцев и евреев), сделали современную Америку страной с самой высокой численностью российских эмигрантов – в настоящее время здесь проживает около 60% всех россиян, принявших иностранное подданство¹. Активная целенаправленная иммиграционная политика Соединенных Штатов по привлечению в страну высококвалифицированных специалистов со всего мира приносит этой стране миллиарды долларов прибыли.

Объективное освещение жизни и деятельности российских ученых-эмигрантов послеоктябрьской волны в США не отделимо от анализа социально-культурной инфраструктуры их сообществ, в частности, с деятельностью общественных организаций, союзов, групп, объединявших их по профессиональным, академическим (научным), культурным, политическим и экономическим интересам. Статья посвящена истории одной из таких организаций – Русской академической группы (РАГ) в Соединенных Штатах Америки – в довоенный период.

Известно, что в отличие от других социальных групп российские ученые, оказавшись в тяжелейших условиях послеоктябрьской эмиграции, проявили себя как талантливые организаторы. В 1919–1922 гг. в большинстве европейских центров

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда; грант № 04-03-00281а.

Автор выражает большую признательность проф. Е. Л. Магеровскому – вице-президенту Русской академической группы в США за ценные консультации и возможность работы с Архивом Русской академической группы в Киннелоне (штат Нью-Джерси, США).

русского рассеяния (Константинополе, Берлине, Праге, Париже, Белграде) возникли Русские академические группы – первоначально “объединения русских профессоров”². Их лидеры, как, в общем, и все здравомыслящие люди, покинувшие Россию, прекрасно осознавали, что

эмиграция, какова бы она ни была по своему политическому облику и активности, уже самим фактом своего существования представляет угрозу большевикам, является живым доказательством неприятия советской власти русским народом и мешает признанию ее иностранцами. Всякое укрепление организованности в эмиграции является поэтому проявлением хотя бы и пассивной борьбы с коммунистами и заставляет их принимать все меры для распыления эмиграции [...] Эмигранты, превратившиеся в беженцев, заботящиеся только о куске хлеба и о спокойном угле для жизни, перестают быть опасными для большевиков³.

Именно академические организации помогли иммигрантам осознать свою профессиональную ценность в новой социальной среде и понять собственную и культурную значимость.

Всего за 5 лет, в 1919–1924 гг., возникло 14 академических групп в разных странах мира. На Первом съезде Русских академических организаций за границей, проходившем в 1921 г. в Праге был создан их центральный орган – Союз русских академических организаций за границей во главе с профессором А. С. Ломшаковым⁴. Его главные задачи: сплочение и защита русских ученых в эмиграции, координация деятельности, выявление вакансий в местных университетах и колледжах, помощь с трудоустройством (выдача рекомендаций), установление контактов с зарубежными исследовательскими и государственными организациями, обеспечение представительства в государственных и общественных учреждениях, издание научных трудов на русском языке и др.

Если Первый съезд русских академических организаций за границей объединял в 1921 г. около 400 ученых и преподавателей высшей школы из 16 стран мира, то спустя 10 лет, в 1931 г., Русский научный институт в Белграде за рубежом зарегистрировал 472 ученых (из них пять академиков) и около 1140 преподавателей русских университетов и высших технических школ⁵. Эти данные приблизительны, и, например, по другим источникам, в послеоктябрьской эмиграции оказалось не пять, а одиннадцать академиков⁶.

Параллельно с академическими группами в Берлине, Праге, Белграде, Париже и других центрах шло формирование сети русских научных организаций и высших учебных заведений. Предполагалось, что после освобождения России от большевиков наследие российского научного зарубежья вернется на родину. Особый акцент делался на национальные особенности русской науки, которые необходимо сохранить в изгнании для будущей России. Так, на Втором съезде русских академических организаций за границей (1923 г., Прага) этому вопросу был посвящен специальный доклад действительного члена Российской академии наук П. Б. Струве. Струве рассматривал русскую науку как “одно из явлений русской культуры, теснейшим образом связанное в своем развитии со своим государством и национальной жизнью”:

...В отличие от науки в западных странах русская наука не имела той “вселенской” или “универсальной” эпохи в своем развитии, которая характерна для западноевропейского средневековья с его господством церкви и богословия. Наука в России есть с самого начала явление светское и местное. А потому национальное, сначала насаждаемое государством, а затем пускающее корни в национальную почву

[...] Процесс национализации науки [...] обусловлен и тем, что Россия перестает с половины XIX в. нуждаться в притоке чужеземных ученых сил. В течение XIX в. происходит естественная русификация Академии Наук [...] В процессе национализации науки вырабатываются собственные научные школы и своя научная традиция [...] Наука, как творчество особого рода, явственно отчленяется от других видов культурного творчества, становится автономной по существу ⁷.

Вопрос, была ли в 20-е гг. XX в. создана РАГ в Северо-Американских Соединенных Штатах (САСШ), долгое время для меня и моих коллег оставался без ответа. Попытки найти ее следы или учредительные документы в некоторых американских архивах (например, в послевоенном архиве РАГ в США в г. Киннелоне, штат Нью-Джерси или в Бахметевском архиве Колумбийского университета, штат Нью-Йорк и др.) не дали положительных результатов. Авторы отчетов о деятельности послевоенной РАГ в США, которая существует в Нью-Йорке с 1948 г., проявляли полное неведение о существовании довоенной группы ⁸.

Официальные же сведения о РАГ в САСШ оказались чрезвычайно противоречивыми. Так, в “Материалах Первого съезда русских академических организаций за границей” в главе “Подготовка съезда” дважды упоминается о появлении весной 1921 г. Русской академической группы в Северо-Американских Штатах одновременно с группами в Константинополе, Болгарии, Эстонии, Польше, Латвии, Финляндии, Швеции, Праге и Швейцарии. Однако ниже по тексту говорилось, что “ее представители на съезде так и не появились” ⁹. В разделе “Состав съезда” отсутствие представителей американской группы зафиксировано еще раз: “Не могли пригласить своих представителей академические группы Северо-Американских Штатов, Финляндии, Швейцарии, Швеции и вторая академическая группа в Белграде” ¹⁰. Но дальше – больше: члены американской группы не явились и на последующие съезды Союза русских академических организаций.

Миф о реальном существовании группы еще сильнее пошатнулся, когда я изучила документы всех съездов русских академических групп ¹¹. Обнаружилось, что уже на Втором съезде (1923 г.) А. С. Ломшакову как председателю правления Союза русских академических организаций за границей было рекомендовано воспользоваться своей поездкой в Америку для выяснения вопроса о положении там Русской академической группы, а также лично провести переговоры с академиком М. И. Ростовцевым ¹² и профессором А. А. Максимовым ¹³, живущими в США, “с целью обращения внимания американских благотворителей на положение русских ученых организаций за границей” ¹⁴. Эта рекомендация, как и текст постановления Четвертого съезда русских академических организаций за границей (Белград, 1928 г.), не оставляли сомнений, что РАГ в САСШ в начале 20-х гг. XX в. либо вообще не существовала, либо не функционировала нормально, поскольку в тексте записано буквально следующее: “...Поручить правлению Союза приложить все усилия для создания Русской академической группы в Америке и просить всех русских профессоров, живущих в Америке, проявить активность в этом чрезвычайно важном деле; в связи с этим просить М. М. Федорова ¹⁵ сообщить Правлению Союза имеющиеся в его распоряжении сведения о русских ученых, живущих в Америке”. То же пожелание повторяется чуть ниже: “...И в особенности указать на крайнюю желательность образования в Северо-Американских Штатах Академической группы и использования всех тех возможностей для помощи русскому студенчеству, какие имеются в указанном государстве” ¹⁶.

Таким образом, американская РАГ была какое-то время скорее виртуальной, чем реальной. В этой связи приходит на ум высказывание одного эмигрантского журнала: «История русских за границей знает множество мертворожденных организаций»¹⁷.

Интересно, что у И. К. Окунцова – автора большого обзора о русских обществах в довоенной Америке – нет ни одного упоминания о существовании Русской академической группы¹⁸. Хотя он ссылается на другую организацию русских ученых в Нью-Йорке – Русский академический союз в Америке, по имиджу и задачам адекватную Русской академической группе. Однако союз образован позже – только в июле 1931 г. В состав его правления входили профессор: А. И. Петрункевич¹⁹ (председатель), И. И. Остромысленский²⁰ (секретарь), А. В. Толстоухов²¹ (казначей), С. А. Сатина²² и П. А. Сорокин^{22а}. Кроме Петрункевича все члены союза до октября 1917 г. преподавали в вузах России, а после эмиграции – в американских университетах.

Краткая история российской эмиграции в США:

Дооктябрьская волна

Как объект изучения историков, демографов и других специалистов российская эмиграция в США серьезно заявляет о себе с конца XIX в., когда здесь формируется уже достаточно большая и разветвленная русская община со своей инфраструктурой эмигрантских общественных учреждений, редакциями газет и журналов, архивами и библиотеками.

Дореволюционная (дооктябрьская) волна иммиграции была самой значительной по размерам: по данным энциклопедического словаря «Гранат»²³, с 1819 по 1913 гг. в США переселились более 3 млн подданных Российской империи (3003356), что составляло тогда около 10% от общего числа некоренных жителей США. Только в 80-е гг. XIX в. из западных губерний Российской империи в Америку прибыли 2102596 душ. Процент русских (великороссов) в этой группе был небольшим и, по данным Службы иммиграции и натурализации США, составлял всего 4%, тогда как другие национальности были представлены таким соотношением: 43% – евреи; 27% – поляки, 9% – литовцы, 8% – финны, 5% – немцы²⁴.

Начало массовой эмиграции из России в США (80-е гг. XIX в.) во многом было связано с приходом к власти Александра III и проведением репрессивной политики по отношению к евреям: в 1881–1882 гг. в черте оседлости евреев в России были организованы еврейские погромы; в мае 1882 г. принят закон о выселении евреев из крупных городов и лишении ряда евреев гражданских прав (ранее предоставленных им Александром II); в 1886 г. введена процентная норма при поступлении евреев в высшие учебные заведения и т. д. В 1913 г. В. И. Вернадский, посетивший США и Канаду, писал:

Несомненно, первые пути были проложены в Америку русскими евреями. Гонения и погромы, разорения и стеснения заставили их двинуться тысячами семей в Новый Свет [...] В массе евреев, прекрасно устраивающихся в Новом Свете, являющихся силой, поднимающих его национальное богатство, мы потеряли часть того капитала, который история дала России и которым должны были щедро воспользоваться его государственные люди [...] Изгоняя еврея, русские националисты, не понимая того, двинули с места и другую силу – силу русского крестьянина, веками привыкшего искать лучшей доли, чем какая им выработана в тяжелых условиях созданной им Великой России²⁵.

В царской России процесс эмиграции не регулировался законодательно. Срок пребывания за границей ограничивался пятью годами, после чего надо было ходатайствовать о продлении срока, в противном случае человек считался потерявшим гражданство, а его имущество переходило в опекуновское правление. В случае возвращения в Россию он подлежал ссылке²⁶. Одним из исключений этого правила стали российские евреи, получившие по “Правилам” от 8 мая 1892 г. право официально уезжать из страны без права возвращаться обратно²⁷. О таком достаточно свободном выезде из России в XIX в. пишет и А. И. Солженицын в своей книге “Двести лет вместе”:

Настроение российских властей к этой растущей эмиграции – как к государственной находке – было благоприятное. Русское правительство охотно согласилось и на образование Еврейского колонизационного общества (ЕКО) в Петербурге, и на все эмиграционные мероприятия, не вмешиваясь в его действия, разрешало в составе семьи эмигрировать и призывному возрасту, и бесплатно выдавало въездные визы, и предоставляло льготный тариф по железным дорогам, – однако, чтоб однажды уехавшие – уже в Россию не возвращались²⁸.

Своего пика еврейская эмиграция достигла в начале XX в., включив в себя все возможные типы мотивации: политическую, трудовую, религиозную, национальную. Будучи подданными Российской империи, российские евреи часто отождествляли себя с русскими. Эту преемственность в значительной мере сохранили и их потомки, вплоть до настоящего времени. На протяжении более 150 лет они сохраняют в США элементы российской культуры и русский язык, свидетельство чему – большое количество созданных ими русскоязычных газет, журналов, организаций, использующих русский язык как средство общения²⁹.

В составе переселенцев дореволюционной волны большой процент занимали также религиозные сектанты, подвергшиеся гонениям (духоборы, молокане, штундисты и пр.). Кроме того, после убийства народовольцами в 1881 г. Александра II и усиления мер сыска Соединенные Штаты становятся излюбленным местом проживания русских политэмигрантов. В 1887 г. правительства США и России даже были вынуждены подписать договор о взаимной выдаче политических государственных преступников. В 1893 г. Сенат США ратифицировал этот договор, что стало большим ударом для российских политэмигрантов, и часть из них была вынуждена покинуть Америку. Большинство же предпочло остаться в США³⁰. Некоторые из политэмигрантов стали известными людьми в науке, бизнесе, искусстве. Так, бывший революционер И. А. Гурвич³¹, завершив в США высшее образование, преподавал экономику и статистику в Нью-Йоркском и Чикагском университетах. Его диссертация на степень доктора философии “Экономическое положение русской деревни” (М., 1896) была переведена на русский язык и стала одним из первых серьезных исследований по аграрному вопросу в России. Сам Гурвич стал известным ученым-библиографом Конгресса США³². Другой социал-демократ Яков Гардман³³ стал профсоюзным деятелем Коммунистической рабочей партии Америки и литератором. Его перу принадлежат работы “Динамика американского труда в свете послевоенного развития” (1928), “Положение рабочих швейной промышленности в Филадельфии” (1940). В 1950-е гг. он участвовал в исследовательском проекте Колумбийского университета “Тенденции в руководстве профсоюзов”. Еще один участник революционного движения 70-х гг. XIX в. в России – В. А. Столешников – стал юристом, а позже архитектором, и участвовал в создании знаменитого Карнеги-Холла в Нью-Йорке. Революционер Петр Дементьев

также отошел от политической активности, стал бизнесменом, построил во Флориде железную дорогу и заложил там город Санкт-Петербург, а в 1893 г. стал видным деятелем Республиканской партии Калифорнии ³⁴.

В составе ученых дореволюционной волны необходимо назвать несколько выдающихся имен наших соотечественников. Это – Соломон Яковлевич Ваксман ³⁵ – микробиолог, член Национальной академии наук США (1942) и Американской академии искусств и наук (1948), основоположник американской школы микробиологов, лауреат Нобелевской премии 1952 г. (за открытие антибиотиков); Шмуэль Винер – выдающийся библиофил и библиограф ³⁶; Моисей Георгиевич Гомберг ³⁷ – химик-органик, профессор химии Мичиганского университета; с 1931 – президент Американского химического общества, автор крупнейших открытий в области химии (свободных радикалов, трехвалентного водорода, антифриза и др.); Фишель Аронович Левин ³⁸ – биохимик с мировым именем, один из авторов открытия групп крови; Дэвид Сарнов ³⁹ – ученый и предприниматель в области радиоэлектроники и телевидения; зоолог-арахнолог Александр Иванович Петрункевич; историк медицины – Овсей Темкин ⁴⁰; авиаконструктор В. П. Бутузов (1846–?) ⁴¹. Впервые курс русского языка в США был введен в Гарвардском университете в 1896 г. в результате длительных усилий “выдающегося русского еврея”, историка литературы, родившегося в Гродно, а в молодости эмигрировавшего в США, Льва (Лео) Винера ⁴²; его сын – американский ученый Норберт Винер считается основоположником кибернетики.

Первой просветительской и культурной организацией русских в США было Общество “Наука” (“*Nauka Society*”), основанное в 1905 г. Только за первые сорок лет своего существования оно открыло шесть филиалов в Нью-Йорке. Общество занималось спонсированием научных лекций, концертов, общественных мероприятий. Первой русской газетой, рассчитанной на широкие массы эмигрантов, стала ежедневная газета “Русское слово” (“*Russian Word*”), основанная в 1910 г., а в 1921 г. переименованная в “Новое русское слово” (“*New Russian Word*”, New York). Всего же, по данным Окунцова, до конца 30-х гг. в США было основано 188 русско-американских периодических изданий: 68 газет и 120 журналов. Из них 93 издавали организации, а 95 – частные лица, главным образом в Нью-Йорке и Чикаго, что свидетельствует об интеллектуальном и экономическом развитии российской эмиграции ⁴³.

Послеоктябрьская, «белая» волна российской эмиграции в США (1917–1945 гг.)

Начавшаяся первая мировая война на какое-то время приостановила поток эмигрантов из России. Но после 1917 г., из России в США пошел новый поток так называемой послеоктябрьской (“белой”) волны эмиграции. Верхняя граница этой волны и начало следующей, послевоенной, как правило, датируется 1939–1941 гг., хотя есть авторы, которые предлагают другие временные рамки, например 1917–1945 гг. ⁴⁴. По данным официальной статистики, в США с 1917 по 1923 г. въехало следующее число русских беженцев: 1917 г. – 3711; 1918 г. – 1513; 1919 г. – 1532; 1920 г. – 2378; 1921 г. – 2887; 1922 г. – 2481; 1923 г. – 4346 ⁴⁵.

Послеоктябрьская волна состояла из нескольких потоков беженцев. Один из первых потоков состоял из членов дипломатических и торговых миссий за границей, которые, узнав об октябрьском перевороте, отказались признать советскую власть и остались жить в Соединенных Штатах. Еще в 1916 г. Россия в связи с первой миро-

вой войной разместила в США свои военные заказы. Тогда в составе Русско-американской торговой палаты, Российского заготовительного комитета, а позже Военно-промышленного комитета России в США и, наконец, в составе Чрезвычайной миссии Временного правительства во главе с Б. А. Бахметевым (июнь 1917 г.) в Америку прибыли несколько сот военных и гражданских чиновников, среди которых были и ученые. Большинство их после октябрьского переворота осталось в США. Более крупные группы эмигрантов послеоктябрьской волны стали прибывать за границу в результате эвакуаций: французской – из Одессы и Крыма (март – апрель 1919 г.), английской – из Архангельска (февраль, 1920), новороссийской (март, 1920), крымской (ноябрь, 1920), владивостокской (октябрь 1922 г.) и отхода северо-западной армии в Эстонию, сибирских войск в Китай и разных групп и одиночек, легально или нелегально покидавших страну с помощью разных организаций, в том числе и международных. Так, в 1922–1923 гг. из Константинополя при поддержке Американского Красного Креста и Американской ассоциации помощи Лиге Наций были вывезены в США 2040 “белых” эмигрантов; с Филиппин в Сан-Франциско на корабле “Мерит” – 800 беженцев из Владивостока. Тогда же из Харбина в Лос-Анджелес (через Ванкувер и Сиэтл) в США прибыли не менее тысячи русских, среди которых было много студентов. В эти же годы из Литвы в США выехали около тысячи русских⁴⁶. По переписи населения, проводимой в 1920 г., в США было официально зарегистрировано 731 949 лиц, считавших свой язык русским, а себя русскими (из них 392 049 родились за рубежом, а 339 900 – в США), причем оба или один из родителей был русским⁴⁷. Распределение русских по городам Америки было неоднородным; так, по данным Д. Х. Симпсона, в 1939 г. в Нью-Йорке проживали 6 тыс. послереволюционных русских беженцев, в Сан-Франциско – 4,2 тыс., в Лос-Анджелесе – 3 тыс., в Сиэтле – 2,5 тыс., в Бриджпорте и его округе – 1000; многие сотни русских поселились в Чикаго, Бостоне, Филадельфии и других городах⁴⁸.

Первая мировая война способствовала активизации работы многих международных частных и общественных благотворительных организаций, которые позже стали преемниками по оказанию помощи русским, бежавшим от ужасов Гражданской войны и нуждавшимся буквально во всем. Это прежде всего Международный Красный Крест. Его американское и русское национальные отделения начали свою деятельность еще во время Первой мировой войны. А в Гражданскую войну они активно содействовали эвакуации мирных граждан из Крыма в Стамбул, Польшу, Прибалтику. Красный Крест принял на себя бремя основных расходов по материальной поддержке военнопленных и гражданских беженцев. Отделения Русского Красного Креста сконцентрировали свою работу в наиболее крупных центрах сосредоточения эмигрантов из России. На эти цели были направлены средства, хранившиеся за границей или вывезенные из страны белыми армиями. Дополнительные средства поступали от Международного Красного Креста и с банковских счетов русских посольств за рубежом, которыми можно было распоряжаться до тех пор, пока страна, где они находились, не признавала советское правительство. Помощь шла также от Американского христианского союза молодых людей, Всемирного христианского студенческого движения, Американской администрации помощи, организованной Гербертом Гувером еще во время Первой мировой войны и др. Сводный материал по организациям содействия беженцам содержится в книге М. Р. Марруса “Европейские беженцы XX века”⁴⁹.

Третий поток послеоктябрьской волны представляли российские беженцы, первоначально попавшие в страны Западной, Центральной и Восточной Европы (Париж, Прагу, Берлин, Белград, Софию и др.), а затем в предвоенные годы пересе-

лившиеся в США, преимущественно в города восточного побережья: Вашингтон, Нью-Йорк и Бостон. В 1930-е гг. с этим потоком в США переехали экономист В. В. Леонтьев, кораблестроитель В. И. Юркевич, астроном С. И. Гапошкин, физико-химик Г. Б. Кистяковский, социолог Н. С. Тимашев и другие. Этот поток особенно усилился после оккупации Европы нацистами.

Российская студенческая молодежь в США

Соединенные Штаты привлекали к себе повышенное внимание и российской студенческой молодежи, находившейся в изгнании (в Турции, на Балканах, Китае и др.), поскольку к началу XX в. эта страна имела огромную и разветвленную сеть университетов и колледжей. Вот что писало правление Общества Русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО) в своем "Информационном бюллетене" в 1923 г.:

Ознакомление с условиями жизни в Америке для студентов сейчас приобретает большой интерес, т. к. Америка привлекает все большее внимание эмиграции [...] Исторические пути Америки отличны от европейских [...] Науке здесь была предоставлена самая широкая свобода и не только каждый штат, но и каждый университет сам избрал для себя наилучший способ осуществления своих целей. В 1636 г. Гарвард создал в Массачусетсе первый университет, имя которого стало хорошо известно науке. Путем сбора пожертвований, на средства меценатов и правительства штатов стали создаваться одно за другим высшие учебные заведения. Самостоятельно родившись, каждое продолжает сохранять свою независимость, и центральные органы почти не вмешиваются в дело управления ими. Удивительный факт: образованнейшая страна не нуждается в Министерстве народного просвещения⁵⁰.

В 1913 г. Бюро по образованию США (создано в 1867 г.) зарегистрировало в стране 1000 учебных заведений, из которых 596 были признаны высшими учебными заведениями. В их числе: содержащиеся на средства штатов – 74; на средства церквей – 416, остальные заведения обеспечивались на частные средства. Более 50% бюджета высших учебных заведений составляли частные средства и пожертвования, в значительной степени собираемые самими студентами. Для всех окончивших среднее учебное заведение поступление в вузы было свободным; исключение составляли только медицинские факультеты, куда поступление было сопряжено со значительными трудностями (главным образом, финансовыми), так же как и само обучение. Срок обучения в высших учебных заведениях – четырехлетний, на медицинском факультете – 8–10 лет. Обучение, опять-таки за исключением медицинского факультета, для американских граждан бесплатное или почти бесплатное. Кроме юридического, медицинского, бактериологического, химического, агрономического и т. п. существовали специальные курсы домоводства, библиотечного дела, физического развития, журналистики и др. Правление ОРЭСО писало:

Что касается русских, то условия американской жизни им более благоприятствуют, чем в большинстве других стран. Здесь никого не удивляет, что студент во время каникул превращается в рабочего и зарабатывает средства на продолжение образования [...] В Калифорнии работают на лесопилках, в Вествуде и Сузан-Вилле, многие на огромных электрических установках в Биг-Крике, в г. Беркли на кожевенных и железнодорожных заводах, наконец, многие работают на фермах, где летом, особенно во время сбора фруктов, имеется много больше спрос на рабочие руки. В Окленде и Аламеде много русских студентов работает на корабли-

строительных заводах и железных дорогах. Заработок колеблется около 4-х долларов, но в больших городах, как Сан-Франциско, жизнь дорога, и студенты жалуются на невозможность скопить деньги ⁵¹.

Для оказания помощи российским студентам в штате Калифорнии был создан Русский национальный студенческий союз Калифорнийского университета, правление которого размещалось в Беркли, а в местах наибольшей концентрации студентов – в Вествуде и Лос-Анжелесе – были открыты его отделы ⁵². Союз имел свой печатный орган “Бюллетень Русского национального студенческого союза в Калифорнии”, на страницах которого активно обсуждались вопросы сбора денег для учреждения стипендиального фонда для российских студентов, поиска им работы по специальности, учреждение студенческой ссудной кассы и возможной отмены для русских студентов “президентской платы” в штатных вузах. Из других организаций, действующих в США в довоенные годы, можно также назвать Русский христианский студенческий союз в Северо-Американских Соединенных Штатах; Международную студенческую организацию; Американский комитет по образованию русской молодежи в изгнании (Бостон), организованный американским археологом Т. Виттемором, и Русский студенческий фонд, созданный по инициативе Алексея и Николая Виренов и поддержке Б. А. Бахметева (Нью-Йорк). Вот что писал об устройстве русских студентов в Америке Николай Вирен:

Всех приехавших (студентов) усиленно учат английскому языку и нашли им физический труд, чтобы они себя сами прокармливали. Вообще вся система помощи тут иная, чем в Праге, т. к. студент, если и получает поддержку, то только частично, дабы все же он мог заниматься, к тому же эта поддержка является займом, который в будущем ему придется отдать [...] Тут безработицы нет и при настойчивости и выносливости всегда можно найти работу. Но американцы и выжимают из вас все [...] Нужно отметить полную неосведомленность о русских студентах в американском обществе, которых подозревают или в наркомании или в большевизме. Группы студентов и беженцев из Китая прибывают с каждым пароходом. Их размещают временно по 10 человек в каждой комнате в доме Общества (Имеется в виду ОРЭСО. – Т. У.). Многим выдают ссуды ⁵³.

В справочнике “Памятная книжка Соединенных Штатов” (1923) можно найти целый список учреждений, которые могли помочь в поиске работы или в случае болезни. Помимо Американского Красного Креста в справочнике названы: Общество молодых христиан; Общество молодых христианок; Еврейское общество помощи; Армия спасения; Общество рыцарей Колумба. Как правило, все названные учреждения имели свои отделения в больших и малых городах США ⁵⁴. Из российских организаций помощь молодежи в начале 20-х гг. шла от командования Русской Армии, Совещания послов, Парижского земско-городского комитета, Всероссийского земского союза, Всероссийского общества Красного Креста и Всероссийского союза городов.

Бесценный вклад лучших представителей российской интеллигенции послеоктябрьской волны (аристократов, ученых, военных, инженеров, авиаторов, врачей, деятелей православной церкви и искусства) в культуру, искусство, науку и образование Америки не имеет себе равных. В Соединенные Штаты эмигрировала блестящая плеяда ученых Российской империи. Среди них были: физик – основоположник телевидения В. К. Зворыкин, химик И. И. Остромысленский, историки и археологи А. А. Васильев, М. И. Ростовцев и Г. В. Вернадский, механик-теоре-

тик С. П. Тимошенко и его коллега Л. М. Тихвинский, социолог П. А. Сорокин, астрономы Н. Ф. Бобровников, А. Н. Высотский, О. Струве, генетик Ф. Г. Добржанский, гистолог А. А. Максимов, физиолог В. Н. Болдырев, ихтиолог и экономист Н. А. Бородин, математики Я. Д. Тамаркин, Я. В. Успенский, Я. О. Шохат, кораблестроитель Н. Н. Сечкин, В. А. Юркевич и многие другие.

Кроме того, из России в США переехали многие представители российской авиационной науки и техники: И. И. Сикорский, Б. В. Сергиевский, Г. А. Ботезат, М. Е. и С. Е. Глухаревы, Я. Д. Акерман, Н. Н. Александер, И. А. Сикорский, А. М. Никольский, В. В. Утгоф, А. Н. Прокофьев-Северский, М. Л. Григорашвили, А. М. Картвели, Б. В. Корвин-Круковский, М. Струков, К. Л. Захарченко, И. И. Ислямов, М. Грегор, Н. Гладкевич, В. Р. Качинский, Р. В. Рыльский, И. И. Диль, В. Иванов, В. Кудрявцев, Л. Лапин, Б. Лабенский, Н. Соловьев и др.⁵⁵

По данным проф. М. М. Новикова (со ссылкой на материалы, собранные проф. С. И. Метальниковым), в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в университетах и научных учреждениях США уже работали более 200 российских ученых⁵⁶.

В 1930-е гг., в связи с запретом Москвы на свободный выезд своих граждан, приток в Америку эмигрантов из России практически прекратился, за исключением отдельных лиц, выезжавших в научные командировки и не вернувшихся в СССР – так называемых “невозвращенцев”. Среди крупных ученых этой категории можно упомянуть химика – академика В. Н. Ипатьева, члена-корреспондента Российской академии наук, физика Г. А. Гамова и генетика Ф. Г. Добржанского. Для них политические процессы в СССР над творческой интеллигенцией не оставляли надежд на возвращение в нормальные условия для научной работы. В июне 1930 г. В. Н. Ипатьев был командирован в Берлин для участия в Международном энергетическом конгрессе; в июне – августе он побывал во Франции и Англии, а в сентябре выехал в Нью-Йорк, затем в Чикаго, где вскоре стал преподавать в Чикагском университете и приступил к работе в фирме “Universal Oil Products Co”⁵⁷. В 1933 г. Г. А. Гамов был делегирован Наркомпросом на Сольвеевский конгресс в Рим и из этой поездки в Россию он уже не вернулся. Поработав короткое время в крупных центрах Европы (Париже, Кембридже и Копенгагене), в 1934 г. Г. А. Гамов переехал в Соединенные Штаты, где получил должность профессора в университете Дж. Вашингтона⁵⁸. Клеймо “невозвращенца” на родине получил и генетик Ф. Г. Добржанский, приехавший в 1927 г. в США в научную командировку по стипендии Рокфеллеровского фонда для стажировки во всемирно известной лаборатории Т. Моргана и решивший навсегда остаться в связи с резко негативными политическими событиями в Советской России. В 1933 г. советское правительство добилось признания СССР от Вашингтона и предоставило бывшим российским гражданам, выехавшим из страны в США до 1917 г., право ходатайствовать о признании за ними гражданства СССР. Но уже в 1937 г. выдача разрешений на въезд в СССР этой категории лиц была прекращена.

Правовое положение российских иммигрантов в США

Первое десятилетие пребывания в США для большинства иммигрантов послеоктябрьской волны было связано с процессами адаптации и интеграции в американское общество, освоением английского языка, знакомством с американской культурой, традициями, жизненными ценностями и др. Если в 20-е гг. XX в. страны Европы только вырабатывали юридическую норму по отношению к русским беженцам, и на протяжении долгих лет юридические права русских оставались неопреде-

ленными, а беженцы – бесправными, то в США по отношению к эмигрантам существовал твердо установленный юридический порядок. Соединенные Штаты – государство, созданное эмигрантами, поэтому все этнические группы страны (в том числе, и русская) были поставлены приблизительно в одинаковое правовое положение. Американское правительство требовало от своих граждан и кандидатов на получение гражданства, независимо от их национальности, неукоснительного исполнения американских законов, во всем остальном оставляя им полное право самостоятельного выбора. Религия, пресса, общественные организации и культурные учреждения, язык в домашнем общении – все это, как правило, государством не регламентировалось. Сплочением русских иммигрантов в американских городах активно занимались приходы русской православной церкви и созданные при них организации взаимопомощи и страхования. Они значительно смягчали психологический стресс культурного давления американского общества, облегчая адаптацию русских иммигрантов.

Вплоть до начала XX в. отношение правящих кругов США к иммигрантам из Российской империи было в целом доброжелательным, а ограничения для их въезда в страну – минимальными. Некоторая дискриминация началась с введения иммиграционных законов 1903 и 1907 гг. (подписанных под давлением сторонников концепции превосходства “тевтонской расы”), а также – с публикацией в 1911 г. доклада Комиссии, созданной Конгрессом США для изучения аспектов иммиграции. В ней переселенцы славянского происхождения, наряду с евреями и жителями прибалтийских стран, по степени их ассимиляции в Америке были отнесены к четвертой (последней) категории иммигрантов. Как пишет российский историк Э. Л. Нитобург, “Американцы, в большинстве своем воспитанные в протестантских традициях, рассматривали деньги как мерило успеха, добродетели и божественной избранности, а нищету и бедность как нечто унижительное, недостойное и просто позорное для белого человека. И, когда после 1907 г. резко возросла численность крестьян, приезжавших на заработки в США из голодавших губерний России, в Америке стал складываться соответствующий стереотип неграмотного или малограмотного, неквалифицированного и полунищего русского иммигранта”⁵⁹. В 1915 г. исходя из пристрастного убеждения, что американская культура является более высокой и совершенной, нежели культура иммигрантов из стран Восточной Европы, президент США Вудро Вильсон выступил с осуждением стремления некоторых иммигрантов причислять себя к особой национальной группе, а федеральные власти США развернули кампанию “американизации” иммигрантов: широко рекламировались курсы изучения английского языка и всячески поощрялось принятие иммигрантами американского гражданства. Кампания проводилась чуть ли не в принудительном порядке и нередко при полном игнорировании национальной культуры самих иммигрантов. Повторно подобная кампания “американизации” с требованием, чтобы каждый гражданин США был “сто процентным американцем”, развернулась в годы “красного психоза” (1919–1921 гг.). Позже она была подвергнута жесткой критике⁶⁰. Вскоре нетерпимость к национальным меньшинствам сменилась относительной толерантностью. А в 1924 г. появилась концепция американского философа Х. Каллена под названием “культурного плюрализма”, согласно которой “здоровое общество может состоять из различных по своему этническому происхождению групп, гордящихся своим культурным наследием и разнообразием”⁶¹.

Отношение американских властей к “белым” русским, как известно, было благосклонным. В США русские иммигранты юридически были более защищены,

чем, например во Франции и других странах Европы. Иммигрантов не обязывали ни регистрироваться в полиции, ни носить с собой удостоверений личности. Натурализация в США всячески поощрялась⁶². Все это, как и большая удаленность от России, психологически облегчало русским дистанцироваться от родины и быстрее интегрироваться в американское общество⁶³. Однако большинство иммигрантов продолжало еще жить надеждами на неизбежный крах большевиков и скорое возвращение в Россию. Так, в 1927 г. первые документы для последующего оформления натурализации, подали всего 20,6% русских беженцев⁶⁴.

Если начало XX в. ознаменовалось в США иммиграционным бумом и динамично развивающаяся страна казалась оплотом стабильности, то к 20-м гг. вследствие переполнения внутреннего рынка труда, остро встал вопрос о введении новой системы эффективного регулирования иммиграционных потоков в стране. Начало серии ограничительных законодательных актов положил иммиграционный закон 1917 г. Он значительно расширил круг россиян, недопускавшихся в США; при этом “нежелательные” иммигранты возвращались в Россию за счет владельцев пароходов. В США не допускались иммигранты, достигшие 16 лет, и не сдавшие экзамен на грамотность; лица, не соответствовавшие определенным психическим, моральным, физическим, экономическим стандартам. В соответствии с законом 1917 г. (19 ст.) иностранец, въехавший в США в нарушение закона, в течение пяти лет после въезда мог быть подвергнут аресту и выслан. Закон об анархистах 1918 г. не допускал иностранцев, занимавшихся подрывной деятельностью. В законе 1917 г. был особый пункт о недопущении в страну “лиц, относительно которых есть вероятность, что они станут общественным бременем”⁶⁵. К концу 1920-х по этому же пункту от каждого потенциального иммигранта стали требовать обязательного поручительства какого-либо американского гражданина (данного под присягой) в том, что он будет материально поддерживать въезжавшего, не допуская, чтобы тот стал бременем для общества.

Поскольку вышеперечисленные ограничительные меры не дали ожидаемого результата, в 1921 г. Конгресс США принял новую законодательную поправку, предусматривавшую так называемую “систему квот”. Она была основана не на гражданстве (или месте недавнего проживания потенциального иммигранта), а на стране его рождения. Первый Закон о квотах 1921 года (Johnson Act, 1921) ограничивал число иммигрантов каждой национальности тем, что разрешал въезд в страну ее представителям в пределах 3% от числа лиц той же национальности, проживавших на территории США в 1910 г. Максимально допустимая квота была не более 357 803 человек в год. Однако закон предусматривал возможность допуска отдельных категорий иностранцев “сверх или вне квоты”. К этой категории относились иностранцы, находившиеся в командировке, профессиональные актеры, певцы, преподаватели, священники, профессора и медицинские сестры⁶⁶. На обсуждение также было вынесено новое ограничение – наличие родственников в США. Хотя трудно было предположить, что кто-нибудь из “белых” российских беженцев, рвавшихся из Константинополя в США, мог иметь родственные отношения с прежним составом эмиграции из России в США (евреями, сектантами, крестьянами из юго-западных губерний и пр.). Рекомендации и поручительства стали непреодолимым препятствием для въезда российских беженцев послеоктябрьской волны. Позже практика поручительств широко распространилась и строго соблюдалась. В 1927 г. Г. В. Вернадский смог перебраться из Праги в США только благодаря поручительству М. И. Ростовцева. Ученый занял кафедру русской истории в Йельском университете, а затем помог переехать семье своей сестры – Н. В. Толь.

Во втором Законе о квотах 1924 года (Johnson-Rid Act, 1924) процент был понижен с трех до двух, и расчеты теперь производились по переписи населения не 1910, а 1890 г. Общее число иммигрантов сокращалось до 164 867 человек в год. Кроме того, теперь иммигранты должны были получать американскую визу в странах своего происхождения⁶⁷. Для иммигрантов из Европы, в том числе и из России, это была откровенная дискриминация. Тем не менее с некоторыми изменениями, но система квот определяла политику Вашингтона вплоть до 1952 г. В 1924–1929 гг. поток иммигрантов в США резко снизился и составил 300 тысяч человек ежегодно по сравнению с более чем 1 млн человек до Первой мировой войны. Доля европейской иммиграции, составлявшая до 1910 г. более 90%, снизилась до 62%. Великая экономическая депрессия 30-х гг. еще более понизила уровень иммиграции и законсервировала объем и пропорции иммиграционных потоков в США.

В 1935 г. годовая квота для въезда уроженцев России и Советского Союза в США составляла всего 2172 иммигранта. В связи с запретом Москвы на свободный выезд советских граждан, подавляющее большинство русских иммигрантов в 30-е гг. прибывало в США окольными путями – из стран Европы и Дальнего Востока. По свидетельству В. П. Петрова, бывшего жителя Шанхая, во второй половине 30-х гг. “квота была мизерной и переполненной. В очереди за визой приходилось ждать по нескольку лет”⁶⁸. Большинство русских беженцев старались переехать в США не как “квотные” иммигранты, а по особым разрешениям (например, по спецвизам и пр.) или нелегально через Канаду и Мексику⁶⁹. Число прибывших в США, по данным американских авторов, с 1918 по 1945 гг. составило от 30 до 40 тысяч⁷⁰.

Нельзя сказать, что находившиеся в США русские ученые сами не проявляли инициативы по защите как собственных, так и профессиональных (корпоративных) интересов. В первые же дни пребывания в США, летом 1920 г., академик М. И. Ростовцев составил текст меморандума – обращения к зарубежным учреждениям о срочной помощи русским ученым иммигрантам. Текст предназначался для распространения в учреждениях США, однако в сентябре 1920 г. Ростовцев переслал его в Англию А. В. Тырковой-Вильямс⁷¹ для опубликования в еженедельном журнале “The New Russia” – печатном органе Комитета освобождения России, председателем которого он был⁷².

В 20–30-е гг. российская творческая интеллигенция участвовала в деятельности нескольких иммигрантских организаций в США. Здесь и названная выше – дореволюционная “Наука” и послереволюционные организации: Общество им. Чехова (1918 г.), Русско-американская ассоциация в Чикаго (1918 г.), Русский народный университет в Чикаго (1918 г.), Русский народный университет в Нью-Йорке (1919 г.), Фонд помощи русским писателям и ученым в Нью-Йорке (1919 г.), Общество русских врачей (1924 г.), Русское инженерное общество в США (1921) и некоторые другие. Любопытно, что в 1918 г. Русский народный университет в Чикаго проявлял активность, сходную с деятельностью русских академических групп в Европе. Например, 27–29 декабря 1918 г. совет университета организовал Русский съезд и наметил широкую программу действий, включающую учреждение областных русских университетов в Америке, в том числе Русского коммерческого университета, школы инструкторов, лекторов, учителей, организации общеамериканских союзов инженеров, врачей, ученых, литераторов, художников и пр. Известно также, что на съезде была избрана делегация в Россию⁷³.

Документы РАГ в США в фонде К. М. Оберучева (ГАРФ)

Совсем недавно поиск следов довоенной американской группы увенчался успехом. Совершенно неожиданно их посчастливилось найти в фонде документов генерала К. М. Оберучева в Русском зарубежном историческом архиве (РЗИА, бывший Пражский архив), находящемся в ведении Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) в Москве ⁷⁴. Профессор МГУ А. В. Квакин обнаружил некоторые документы, связанные с историей Русского академического союза в Северной Америке в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (Пало-Альто, штат Калифорния) ⁷⁵. Этим материалам будет посвящена отдельная публикация. В московской коллекции документов речь идет о фонде Константина Михайловича Оберучева – ученого, генерала, крупного общественного деятеля, участника русского революционного движения ⁷⁶.

К. М. Оберучев эмигрировал в США после октябрьской революции, отказавшись от предложения занять пост в военном ведомстве Советского правительства. Известно, что он жил в Нью-Йорке и преподавал в Русском народном университете, в создании которого принимал самое непосредственное участие. Кроме того, Оберучев был представителем административного центра “Внепартийного объединения” в Нью-Йорке и учредителем нескольких организаций: “Общества помощи русским инвалидам зарубежья”, “Фонда помощи (нуждающимся) писателям и ученым в России” (1919) ⁷⁷. “Общества изучения русской эмиграции в Америке” (1924), и, наконец, Русской академической группы в Америке (декабрь, 1923). В Инвентарной описи, подготовленной еще в советское время архивистами бывшего Центрального государственного архива октябрьской революции и социалистического строительства, фонд К. М. Оберучева предваряется следующим (обязательным для того времени) “разъяснением”:

Оберучев К. М. (1864–1929), эсер, белоэмигрант. В Нью-Йорке возглавлял белоэмигрантский “Фонд помощи русским ученым и писателям”. При поддержке американских реакционных кругов, распространял антисоветскую пропаганду и клевету в печати. Переписка Оберучева с белоэмигрантскими организациями и издательствами: уставы и положения белоэмигрантских организаций в США: союза российских кооперативов за границей, русской академической группы, русского народного университета и другие; воспоминания, рукописи, клеветнические статьи ⁷⁸.

Документы фонда К. М. Оберучева содержат текст устава группы (л. 5–8), списки ее учредителей (л. 10) и состав правления (л. 11). Учитывая историческую ценность найденных документов, их содержание приводим полностью с сохранением орфографии.

(на машинке, без даты)

РУССКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГРУППА В АМЕРИКЕ

342 Madison Avenue. Room 805. New York City

Милостивый государь,

Препровождая при сем Устав Русской Академической Группы в Америке, список членов-учредителей и состав Правления Группы, Правление имеет честь просить Вас, в случае, ес-

ли это Вами еще не сделано, не отказать прислать Ваш членский взнос за текущий год, в размере от трех долларов, чеком на имя Казначей Группы С. М. Ингермана / S. Ingerman/ ⁷⁹.

Председатель С. А. Корф ⁸⁰ – (подпись)

Секретарь М. Карпович ⁸¹ – (подпись)

УСТАВ РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В АМЕРИКЕ

§ 1. Задачи Группы

Всемерное содействие к предоставлению членам Группы и всего Союза Русских Академических организаций за границей возможности научно работать, к печатанию научных работ, к подысканию места по специальности и к облегчению их материального положения.

Забота об учреждении, дальнейшем существовании и развитии русских высших учебных и ученых учреждений в С.Ш.А.

Забота о русских студентах – беженцах.

Забота об учении и воспитании детей русских беженцев.

Установление связи Союза Русских Академических Организаций с Американскими Учебными и Учеными Организациями.

Представительство перед правительственными, общественными, научными и иными учреждениями С.Ш.А. от имени Союза Русских Академических Организаций.

Заботы о сборе средств для Центрального Органа Союза Русских Академических Организаций для осуществления поставленных Союзом задач.

Помощь ученым и профессорам в России.

§ 11. СОСТАВ ГРУППЫ

Группа состоит из членов:

- а) учредителей,
- б) действительных членов,
- в) сотрудников,
- г) почетных членов.

а) членами-учредителями являются лица, приглашенные на первое Учредительное Собрание и давшие свое согласие на учреждение Группы.

б) Действительными членами могут быть:

лица, бывшие в составе преподавательского персонала Российских Университетов и всех иных высших учебных заведений, а также лица, бывшие в составе научного персонала Российской Академии Наук и иных Российских Ученых Учреждений;

лица русского происхождения, состоящие или состоявшие в составе преподавательского или научного персонала Американских Университетов и иных американских высших учебных заведений и научных учреждений.

в) Членами сотрудниками могут [быть] все лица, коих деятельность соответствует духу Группы.

г) Почетными членами Группы могут быть лица, оказавшие Группе своею деятельностью особые услуги, а также лица, особо выдающиеся своею научною или общественною деятельностью.

Члены Группы, за исключением почетных членов, выбираются Правлением, простым большинством голосов.

§ III. ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

Деятельность группы руководится постановлениями Общих собраний группы.

Для ведения дел Общее собрание избирает Правление и Ревизионную Комиссию.

Правом решающего голоса в Общих собраниях Группы обладают учредители, действительные члены и почетные члены; члены Правления и Ревизионной Комиссии избираются из учредителей и действительных членов.

Ведение Общего Собрания, в числе прочих, изменение устава, утверждение отчетов Правления и Ревизионной Комиссии, установление бюджета, выборы Правления и Ревизионной Комиссии, выборы почетных членов Группы и все другие вопросы, разрешаются простым большинством голосов. Для изменения состава требуется большинство 3/4 присутствующих членов.

Вопрос об изменении Устава может быть внесен на рассмотрение Общего Собрания по инициативе либо Правления, либо 5 членов Группы, заблаговременно подающих Правлению письменное о том заявление.

Избрание почетных членов должно быть единогласно.

§ IV. ВРЕМЯ СОЗЫВА ОБЩЕГО СОБРАНИЯ

Общее Собрание Группы созывается Правлением не реже одного раза в год. Собрание, созываемое для заслушивания годового отчета Правления и Ревизионной Комиссии, созывается Правлением не позже как через 2 месяца по окончании отчетного года. Концом считается 30 ноября. Программа Собрания, повестки на Собрание, равно как и газетное оповещение, должны быть разосланы не позднее, чем за две недели до дня собрания. Общее Собрание считается состоявшимся, если прибыло 50% членов, проживающих и находящихся в Нью-Йорке.

§ V. СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ

Число членов Правления устанавливается Общим Собранием и может быть изменено по его постановлению. Наименьшее число – 5 членов – председатель, два вице-председателя (Л. 9), секретарь и казначей. При составе Правления из 5 лиц, заседание Правления считается состоявшимся, если присутствуют три члена из пяти. Члены Правления избираются сроком на 1 год.

§ VI. СРЕДСТВА ГРУППЫ

Составляются из членских взносов, пожертвований и доходов от предприятий Группы. Годовой членский взнос – от трех долларов.

Для сбора специальных средств на поддержку ЦК Союза Русских Академических Организаций за границей для осуществления поставленных Союзом задач Правление Группы может организовать в различных местах С.Ш.А. местные комитеты по сбору средств. Для членов означенных Комитетов не требуется указанной во 2-м параграфе квалификации. Для увеличения средств, Правление имеет право устраивать: лекции, концерты, выставки, экскурсии и т.п.

ЧЛЕНЫ-УЧРЕДИТЕЛИ РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В АМЕРИКЕ

Силуан Фемистоклович БАЛДИН ⁸²
Борис Александрович БАХМЕТЕВ ⁸³
Георгий Александрович БОТЕЗАТ ⁸⁴
Сергей Александрович ВАСИЛЬЕВ ⁸⁵
Николай Владимирович ВИННЕР ⁸⁶
Иосиф Маркович ГОЛЬДШТЕЙН ⁸⁷
Павел Семенович ГАЛЬЦОВ ⁸⁸

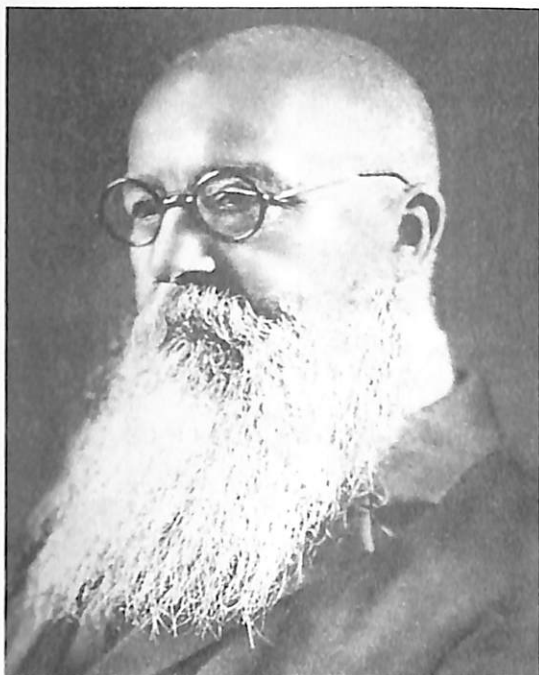
Вера Михайловна ДАНЧАКОВА ⁸⁹
Сергей Михайлович ИНГЕРМАН
Михаил Михайлович КАРПОВИЧ
Казимир Адольфович КОВАЛЬСКИЙ ⁹⁰
Сергей Александрович КОРФ
Константин Михайлович ОБЕРУЧЕВ
Иван Иванович ОСТРОМЫСЛЕНСКИЙ
Александр Иванович ПЕТРУНКЕВИЧ
Николай Владимирович ПОКРОВСКИЙ ⁹¹
Евгений Павлович ПОЛУШКИН ⁹²
София Александровна САТИНА
Питирим Александрович СОРОКИН
Таисия Максимовна СТАДНИЧЕНКО ⁹³

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В АМЕРИКЕ НА 1924 ГОД

(Избрано на Учредительном Собрании Группы 4 Декабря 1923 года)
Председатель – барон Сергей Александрович КОРФ
Первый Товарищ Председателя – Александр Иванович ПЕТРУНКЕВИЧ
Второй Товарищ Председателя – Силуан Фемистоклович БАЛДИН
Казначей – Сергей Михайлович ИНГЕРМАН
Секретарь – Михаил Михайлович КАРПОВИЧ
Адрес Секретаря – Room 805, 342 Madison Avenue, New York City
Адрес Казначея – 418, Central Park West, New York City.

Есть основания предполагать, что РАГ в Америке была создана по инициативе и при участии А. С. Ломшакова – председателя Союза русских академических организаций за рубежом (Прага) – и непосредственно во время его визита в США. Подтверждение этому находим в одном из писем академика М. И. Ростовцева, адресованном А. В. Тырковой-Вильямс от 4 ноября 1923 г., в котором он писал: “Здесь ездит по Америке Ломшаков. Хотел заехать ко мне, но не успел. В нашу дыру не так легко попасть. Хочет подковать Рокфеллера ⁹⁴. Посмотрим, что из этого выйдет” ⁹⁵. Об участии Ломшакова в составлении текста Устава РАГ в США свидетельствуют несколько ссылок на возглавляемый им Союз русских академических организаций в Праге. Интересно, что в устав американской группы введен пункт о помощи ученым и профессорам, оставшимся в России (л. 8). Тем самым он перекликается в своих целях и задачах с другой организацией, а именно с Фондом помощи писателям и ученым России в Нью-Йорке, также возглавляемом К. М. Оберучевым. Эта солидарность ученых-иммигрантов, совсем недавно переживших страшные годы изгнания, со своими коллегами в России удивительна. Нетрудно представить, насколько плодотворным могло быть их дальнейшее сотрудничество, если бы не развернувшаяся в СССР беспрецедентная волна репрессий, направленная на уничтожение всех подозреваемых в связях с белоэмигрантами.

Список членов учредителей РАГ в Америке поражает богатством персоналий. Здесь много имен ученых, получивших образование и сделавших научную карьеру в дореволюционной России: С. Ф. Балдин – военный инженер, профессор и генерал-майор; Б. А. Бахметев – ученый-гидравлик, крупный политический и общественный деятель; Г. А. Ботезат – авиаконструктор; С. А. Васильев – инженер, исто-

*К. М. Оберучев**Б. А. Бахметев*

рик Сибири; И. М. Гольдштейн – доктор политэкономии, профессор; С. М. Ингерман – доктор медицины, политический деятель; С. А. Корф – доктор права, юрист; К. М. Оберучев – военный ученый, генерал; И. И. Остромысленский – химик-органик; С. А. Сатина – ботаник, генетик; П. А. Сорокин – социолог.

Среди членов группы есть крупные политические деятели, в России успешно совмещавшие научную карьеру с занятиями партийной деятельностью: Б. А. Бахметев, С. М. Ингерман, К. М. Оберучев, И. М. Гольдштейн, С. А. Корф, П. А. Сорокин. Здесь представлены и военные ученые, как, например, К. М. Оберучев.

Костяк группы составили ученые, которые имели с Америкой тесные связи еще в годы Первой мировой войны по линии военных закупочных миссий: С. М. Балдин, Б. А. Бахметев, а также те, кто имел дореволюционные связи с Америкой по линии бизнеса и науки: С. А. Корф, Б. А. Бахметев, С. М. Ингерман. В 1915 г. для размещения и приемки русских военных заказов в Америке была организована Русско-американская торговая палата и создан Российский заготовительный комитет. К концу 1916 г. на русскую армию в США работало 35 крупных заводов, в том числе Торговый дом Д. П. Моргана, который выполнял львиную долю заказов из России. Число военных и гражданских чиновников в российских военных комиссиях превышало 380 человек, а общее число занятых в размещении и приемке военных заказов сотрудников составляло около 3,5 тыс. человек, включая русских иммигрантов. В те годы Б. А. Бахметев выполнял свои функции как уполномоченный Военно-промышленного Комитета России в США. После Февральской революции Временное правительство назначило его новым российским послом в США и 6 июня 1917 года он во главе Чрезвычайной миссии Временного правительства через Владивосток прибыл из Петрограда в Вашингтон. В составе Чрезвычайной миссии

Г. А. Ботезат

было 38 человек, в том числе и ученые-профессора Е. И. Омельченко⁹⁶ (от Министерства промышленности и торговли), Н. А. Бородин⁹⁷ (от Министерства земледелия), Ю. В. Ломоносов⁹⁸ (от Министерства путей сообщения), историк М. М. Карпович (секретарь Б. А. Бахметева), финансист С. А. Угет⁹⁹, а также крупные политические и общественные деятели, как например В. И. Новицкий¹⁰⁰ (от Министерства финансов). Как указывалось ранее, после октябрьского переворота большинство сотрудников дипломатических служб Чрезвычайной миссии остались в США¹⁰¹.

В списке учредителей группы, наряду с учеными пожилого и среднего возраста, встречаются фамилии молодых ученых, например, П. С. Гальцова, М. М. Карповича, Е. П. Полушкина и др. Помимо ученых и преподавателей высшей школы в составе группы были представители других творческих специальностей, например журналист и переводчик К. А. Ковальский. Все члены-учредители были представителями университетов или научных центров, расположенных на Восточном побережье Америки (Вашингтон, Нью-Йорк, Принстон, Бостон и др.), и некоторые из них уже успели хорошо зарекомендовать себя в научных кругах Америки. Известно, что русская иммигрантская жизнь на Тихоокеанском побережье существенно отличалась от жизни русской общины большого Нью-Йорка или Бостона.

Среди членов РАГ в Америке – есть члены и других русских иммигрантских организаций. Так, например, Н. В. Виннер, С. М. Ингерман, М. М. Карпович, К. М. Оберучев, Н. В. Покровский и Е. П. Полушкин были преподавателями Русского народного университета в Нью-Йорке, основанного в 1919 г. (просуществовал 8 лет). Его деятельность финансировали американцы, симпатизировавшие русским. По-видимому, деятельность РАГ в США была кратковременной: после скоротечной смерти – 7 марта 1924 г. – профессора С. А. Корфа руководство группой взял на себя проф. А. И. Петрункевич. Но ввиду его продолжительной болез-

*Г. В. Вернадский**М. М. Карнович*

ни (возможно, как-то связанной со смертью жены в 1926 г.) деятельность группы вскоре приостановилась. Об этом правление Союза русских академических организаций за границей проинформировало участников третьего съезда, проходившего в Праге в декабре 1926 г. Кроме личных обстоятельств (смерти и болезни руководителей организации) на деятельности группы не могла не отразиться сложная политическая и экономическая ситуация послевоенных лет в США. Прежде всего в связи с русской революцией здесь заметно ухудшилось отношение к иммигрантам из России, как предполагаемым рассадникам «красной опасности», якобы угрожающей стране.

В 1919 г. под флагом наступления на «красных» министр юстиции США А. М. Пальмер и глава Бюро расследований Э. Гувер развернули крупномасштабную волну арестов и репрессий против революционно настроенных русских иммигрантов. Были разгромлены офисы многих русских организаций: редакции («Новый мир», «Рабочий и крестьянин» и др.), типографии, народные дома, школы, библиотеки; тысячи русских 28 декабря 1919 г. на корабле «Soviet Ark» были депортированы в Россию, а их оставшиеся в США семьи подверглись преследованиям¹⁰².

Последовавшая за тем «великая депрессия», связанная с мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг., еще более ухудшила положение всех этнических групп в США, в том числе и русской. Только новый курс лидера демократов Т. Д. Рузвельта, пришедшего на смену Г. Гуверу в 1932 г., стал постепенно выводить страну из экономической депрессии.

А. И. Петрункевич

П. А. Сорокин в своем кабинете в Уинчестере

В период «физического выживания» успешная деятельность многих русских эмигрантских организаций была более чем проблематичной. Что касается Русской академической группы в США, то большинство положений ее устава, таких, как

содействие к предоставлению членам Группы [...] возможности научно работать, к печатанию научных работ, к подысканию места по специальности и к облегчению их материального положения, как и забота об учреждении [...] русских высших учебных и ученых учреждений в С.Ш.А., не говоря уже о помощи ученым и профессорам в России¹⁰³,

в кризисные годы звучали просто декларативно. Профессор С. П. Тимошенко так вспоминал об этом времени:

О кризисах в Америке я прежде только читал, а теперь увидел на практике, что это значит. Во время поездок в Питсбург к Вестингаузу я иногда бывал единственным пассажиром в спальном вагоне. По закону поезда должны были ходить, хотя пассажиров и не было. В большом нью-йоркском отеле [...] почти все комнаты пустовали. В университете сократили жалованье преподавательского персонала, а позже и совсем прекратили выдачу жалованья. Когда-то в молодости я читал, что в Турции бывали случаи, когда правительство прекращало уплату жалованья своим служащим. Теперь это происходило в богатейшей стране мира¹⁰⁴.

Насколько сложным было трудоустройство русских ученых в США в 20-е гг. XX в., свидетельствует и содержание письма проф. М. И. Ростовцева в декабре 1924 г.:

Как разрешится и разрешится ли вообще проблема голода и безработицы в России и голода и безработицы для эмиграции, темный для меня вопрос. На одного, живущего более или менее привычно и имеющего завтрашний день, сотни и тысячи живущих со дня на день [...] Из тех, кто живет, благодаря мне, ни один за эти семь лет не устроился, и не вижу надежды на это в ближайшем будущем¹⁰⁵.

Известно, как безуспешно завершились попытки устроиться за границей выдающегося российского ученого Владимира Ивановича Вернадского. В поддержке ему отказали Институт Карнеги, Йельский университет, Национальный исследовательский совет США, Рокфеллеровский фонд. Отвечая на запрос его сына – Г. В. Вернадского – о возможности устроиться отцу на работу в США, А. И. Петрунkevич писал в 1925 г.:

...В общем, русским здесь плохо [...] Жизнь здесь страшно дорога, безработица растет. Вы не только отцу не поможете, но и сами будете нуждаться¹⁰⁶.

Сам Г. В. Вернадский неоднократно жаловался родителям, что в материальном смысле он плохо устроен в Америке, а позже, что он никак не может получить настоящего признания в Йеле. В декабре 1933 г. он писал:

Все-таки, по правде говоря, возмутительно, что здешний университет не хочет меня обеспечить как следует, принимая во внимание всю мою научную работу. Но сейчас из-за кризиса, все продолжающегося, нечего и думать о переходе в другой какой-нибудь университет, а здешние заправила этим пользуются, эксплуатируя мой труд.

Далее он признавался, что не может свободно говорить и писать на английском языке, поэтому собирается заняться его усовершенствованием. Г. В. Вернадский искренне восхищался М. М. Карповичем, который, находясь в США с 1917 г., давно уже овладел английским языком в совершенстве¹⁰⁷.

Ухудшение ситуации в СССР, а главное – официальное признание Советской России отрезвили многих российских ученых-эмигрантов, лишив их каких-либо иллюзий относительно возвращения на родину. Единственно разумным выходом в этой ситуации оставалась натурализация – принятие американского гражданства, которое давало им ряд преимуществ. Тем более что в отличие от европейских стран натурализация в США всячески поощрялась. Ученый, владеющий английским языком и получивший американское гражданство, не только мог иметь гарантированную федеральную поддержку и средний уровень экономической обеспеченности, но и высокую степень социальной мобильности. Так как получение американского гражданства занимало срок в пять лет, многие российские иммигранты старались как можно скорее оформить свои первые бумаги на гражданство и сдать их чуть ли не сразу же по прибытии в Америку.

Возвращаясь к обсуждению краткости существования Русской академической группы в Америке, можно только предполагать, что для русских ученых, только-только переехавших в новую для них страну, более актуальными в годы экономического кризиса были организации взаимопомощи, страхования жизни, образовательные курсы, курсы английского языка или уроки «американского гражданства». Кроме того, большую часть задач, декларированных уставами русских академических групп (материальная поддержка, помощь учащейся молодежи и пр.), эффективно решали другие эмигрантские организации. Например, созданный в 1919 г. Фонд поддержки русских ученых и литера-

торов в изгнании, благодаря грантам, займам, пожертвованиям, регулярно проводимым концертам и балам, смог оказать существенную материальную помощь многим представителям российской творческой интеллигенции¹⁰⁸. В 1919–1920 гг. при поддержке американских организаций и спонсоров был создан Русский студенческий фонд, в состав его правления входили, наряду с американцами, С. И. Рахманинов, профессора М. М. Карпович, М. И. Ростовцев, С. П. Тимошенко, Н. С. Рерих и др. За 25 лет существования помощь фонда смогли получить 650 русских студентов, обучавшихся в 106 американских университетах и колледжах¹⁰⁹. В эти же годы американский археолог и искусствовед Т. Виттемор организовал в Бостоне Комитет по образованию русской молодежи в изгнании. Обратившись к зажиточным американцам, он в 20-е гг. собрал 300 тыс. долларов, что помогло обеспечить стипендиями несколько сот русских студентов не только в США, но и во Франции и Германии¹¹⁰. На Западном побережье США, в Сан-Франциско, в 1930 г. бывший сибирский золото-промышленник И. В. Кулаев основал Фонд поддержки русских студентов и преподавателей, спустя год (январь 1931 г.) переименованный в Благотворительно-просветительский фонд им. И. В. Кулаева¹¹¹. Важное значение имели также профессиональные общественные организации: Общество русских инженеров, Общество взаимной помощи русских инженеров, Русское медицинское общество (в 1931 г. оно насчитывало 140 врачей), Ассоциация русских юристов, Общество русских художников, скульпторов, декораторов и др. Все они также в той или иной мере способствовали более быстрой адаптации российской научной интеллигенции к американским условиям жизни. Задачу сохранения в изгнании национального опыта для будущего возрождения России решало, например, основанное в Нью-Йорке Общество изучения русской иммиграции в Америке (1924). В состав его правления входили такие ученые как М. М. Карпович, М. Е. Вильчур, С. М. Ингерман, К. М. Оберучев, Г. Я. Полонский, Г. Н. Раковский, А. Фовицкий и др.¹¹²

О судьбе созданного в 1931 г. преемника Русской академической группы – Русского академического союза в Северной Америке – можно судить по данным И. К. Окунцова¹¹³. Известно, что союз выполнял, помимо своих основных академических функций, еще и образовательные, и оказался более долгоживущим, чем предшествовавшая ему Русская академическая группа в Америке под руководством барона С. А. Корфа. Скорее всего, союз прекратил свое существование со смертью генерального секретаря И. И. Остромысленского в 1939 г. Тогда же, весной 1939 г., младшая дочь Льва Толстого – Александра Львовна Толстая – создала Толстовский фонд в Нью-Йорке¹¹⁴, в его попечительский совет вошли несколько крупных ученых (Б. А. Бахметев, М. М. Карпович, И. И. Сикорский, И. И. Петрункевич, позже – В. Н. Ипатьев и др.). Толстовский фонд стал выполнять и некоторые функции Русской академической группы. В 1940 г. под его патронажем был создан специальный Профессорский фонд, объединивший как русских, так и американских ученых. Их усилиями вскоре удалось реализовать сложнейшую программу помощи русским ученым-беженцам в Европе (в 1940–1952 гг.).

1929–1930-е гг. были переломными для настроений русской эмиграции. Насильственная коллективизация в СССР, начатая в 1929 г., «казалась издавна настолько безумным, самоубийственным и чреватым народным взрывом, что падение режима представлялось уже неизбежным». Поэтому, как это ни парадоксально, в эмиграции был зафиксирован «бурный взлет оптимистических ожиданий»¹¹⁵. Од-

нако уже вскоре возвращение на родину потеряло свою реальность и отодвинулось на неопределенное время.

В заключение хотелось бы привести две выдержки из писем П. А. Сорокина из США С. Г. Пушкареву в Прагу. Они передают атмосферу жизни этого выдающегося ученого, ставшего классиком американской и мировой социологии XX в., и отражают его творческое кредо, благодаря которому он смог в самые трудные годы быстро адаптироваться и оптимально интегрироваться в американскую науку и общество. Выдержка из письма П. А. Сорокина от 16 мая 1930 г.:

С самого момента прибытия за границу я, после некоего размышления, решил: 1) чтобы иметь некое значение в заграничной обстановке, а также, чтобы быть независимым от всяких давлений, я должен создать себе прочную базу, чтобы жить, и некий престиж, чтобы влиять. Для этого у меня есть лишь один путь: научная работа. Это решение повело к тому, что я решил «на авось» поехать в Америку, т.к. она одна обещала возможности достать научную работу, чтобы жить и работать нормально. Хотя у меня здесь и не было никого из «покровителей» тем не менее мне удалось «зацепиться» здесь. Сначала было очень трудно.

Теперь, после 6¹/₂ лет, я стою на своих ногах. Не завишу ни от каких субсидий. Могу не считаться ни с какими организациями и свободно выражать, что я думаю. Имею некий научный, а с ним, как простое следствие и некий политический престиж. Встречаясь «запросто» с влиятельными лицами в политических, государственных и экономических сферах, не формально влияю и значу кое-что. Ту же линию, пока обстоятельства не изменятся, я намерен держать и дальше. Причем, полагаю, влияние за пределами науки прогрессивно растет и будет расти по мере роста научного престижа. А там увидим: если придет время, когда нужно будет «выходить в открытое политическое море», полагаю, я смогу это сделать и снабдить мою лодку довольно влиятельной «машиной». Возможно также, что довольно большое число лиц и учреждений захотят поддержать не меня, а то дело и те цели, которым я хочу служить. Словом, для «флота будущего водителя России» и наших будущих – подлинных лидеров – я смогу быть тогда хорошим солдатом и внести в их большое дело и мою посильную лепту.

А пока что линия поведения должна быть та же, коей я держался и раньше. На этом пути кое-что я как будто начал понимать; кое-что изучить надеюсь, увеличить это понимание и изучить. По мере сил буду работать, трудиться, исполнять, не терять совесть, а остальное воля Бога и судьбы. Кто знает, может быть вместе с Вами и другими думающими людьми, когда-нибудь в будущем мы будем конкретизировать результаты нашего изучения и работать для их осуществления будущими водителями русского народа. А пока раз «трубный глас» еще не звучит, будем продолжать наше изучение и улучшать наше понимание «мистической» и мало понятной динамики общественной жизни¹¹⁶.

Выдержка из письма П. А. Сорокина от 11 января 1935 г.:

...О себе скажу, что за эти годы после переезда в Harvard много времени у меня ушло на организацию, а затем администрирование Department of Sociology здесь. Уходит порядочно и теперь, т. к. я глава Department'a, что вроде нашего декана факультета (но более авторитетен и монархичен, чем наши деканы). Когда у меня в департаменте около 18 профессоров и 15 аспирантов, не говоря уже о студентах, специализирующихся в нем, «требуется времени и энергии вести такое хозяйство». За 4 года существования департамента он увеличился втрое и количественно и качественно. Но он, к моему глубокому сожалению, все еще остается, все еще остается «фашистско-монархическим», т. е. пока еще не на кого свалить администрирование, как бы я не желал этого (т.к. административную работу я не любил и не люблю).

Все же за эти годы исподволь работал над своей большой и дикой работой, условно пока называемой «Социальной Динамикой», намарал бумаги уже около 3¹/₂ томов таблиц, диаграмм, выкладок – океан. Исподволь, отдел за отделом, все начинаю «выплывать» из-под этой массы. «Просвет» показывается, но до конца далеко еще. Затея-то довольно «сумасбродная», но, несмотря на это, она, рядом с моментами острого недовольства собой и работой, дает много интересных ценных минут. В первый раз в своей жизни чувствую, что работаю над чем-то действительно большим и важным, не для того, что «показать ученость», – но по душе, из-за темы самой и для себя, для своей «души», пытающейся хоть что-нибудь понять в этой непонятной мистереии, которая зовется социальной жизнью и «историей». Работа, если когда-нибудь будет окончена, будет, вероятно, «блин комом», но я предпочитаю «блин комом» «стандартизированному фабричному печеню». Я знаю, что я могу печь его не хуже других, и потому это стало не интересным для меня. Да вдобавок этого «печенья» в наше время – время карликов мысли во всех науках, кроме разве химии и физики, более чем достаточно. Вот и «канителюсь» с «Динамикой». Решил, однако, положить хоть какой-то предел выполнению, по крайней мере, трех первых томов. Посему, в будущем учебном году получу на второй семестр «субботний отпуск с содержанием». К концу 1936 г. посему надеюсь иметь три тома или томища (вместо 6 голевских), готовыми к печати. Выйдет ли это? – Увидим. Хотя сейчас (три дня назад) Елена Петровна – моя жена – была оперирована и, если все благополучно, только недели через 2 вернется домой, а посему мне приходится метаться между домом и сыновьями (малышам 3 и 1¹/₂ лет) – между Университетом, Roeliff...? College (здешние Бестужевские курсы, где я тоже – глава социологического деканата), госпиталем и т. д., хотя сейчас, как видите, я в довольно «хлопотном» состоянии, жаловаться на личные условия не приходится. Harvard, будучи 1-м Американским университетом, платит высокие жалования (стал буржуем: имею свой – и хороший – дом в 10 комнат, с большим садом, чудесно расположенным в огромном парке, – есть автомобиль и пр.). Внешний престиж и т. п. то же, едва ли допускают жалобы с моей стороны. «Рассудку вопреки» и к моему искреннему изумлению вижу, что меня, по-видимому, считают за одного из немногих крупнейших авторитетов в социологии и здесь, и в мире (переводят мои «писания» на ряд языков, выбрали 1-м вице-президентом Международного социологического института и, того и гляди, на будущем съезде в августе 1935 г. выберут президентом, хотя я и на конгрессах то никогда не бывал и т. д.). Все это не позволяет жаловаться на личные условия. Однако общее-то состояние общей культуры и мысли таково, что не позволяет расширяться этому «личному» довольству в своего рода космическое, оптимистическое самочувствие. В результате чувствую себя более и более «отчуждающимся» от Западной культуры вообще (последних 4-х веков). И данные моей «Динамики» показывает, что живем мы в век «карликов» мысли и культуры, в смысле конструктивном. Но это уже «философия», о которой сейчас не стану говорить.

Летом планирую на месяц быть в Европе. Думаю заглянуть и в Прагу. Может быть, и увидимся? Пока же всего Вам хорошего. Ваш П. Сорокин¹⁷.

Послевоенная волна

Если деятельность Русской академической группы в США 1923 г. была краткой и мало результативной по сравнению с активностью аналогичных европейских организаций, то в послевоенные годы ситуация кардинально изменилась. Вторая мировая война и последовавшая советская оккупация некоторых стран Центральной и Восточной Европы трагическим образом изменили жизнь многих русских ученых-эмигрантов. Что касается русских академических групп, то большинство их к кон-

цу 30-х – начала 40-х гг. вообще прекратило своё существование в Европе. Соединенные Штаты, напротив, в эти годы пережили настоящий демографический взрыв – сюда хлынула большая волна беженцев из европейских стран и Китая. Создание новой Русской академической группы в США во многом было связано с прибытием в Нью-Йорк небольшой группы русских ученых – бывших преподавателей университета УНРРА для Ди-Пи¹¹⁸.

Вместе со своими американскими коллегами в 1948 г. в Нью-Йорке они создали Ассоциацию американских и иностранных ученых (The Association of American and Foreign Scholars, Inc.) с правами юридического лица. Ее цель – обеспечить продолжение работы бывшего мюнхенского интернационального университета УНРРА на территории США. Членами Ассоциации стали (кроме русских и американцев) бывшие граждане Чехословакии, Эстонии, Израиля, Латвии, Польши, Украины. Работа Русской секции Ассоциации американских и иностранных ученых особенно активизировалась после переезда в 1949 г. в Нью-Йорк известного ученого и общественного деятеля русского зарубежья – профессора М. М. Новикова¹¹⁹. Он решил использовать исторический опыт и вернуться к давно проверенной в Европе общественной структуре¹²⁰.

Если в 1947–1948 гг. Русская секция Ассоциации американских и иностранных ученых в США (РАГ в США) состояла всего из 5 человек, то в 1974 г. она объединяла уже 200 членов, хотя в 1996–1997 гг. ее численность снизилась до 130 и до настоящего времени продолжает оставаться на этом уровне. Поначалу в состав группы принимали лиц, имеющих ученую степень, известных своими научными трудами, а также преподавателей высших учебных заведений. Сейчас по уставу членом Группы может быть «каждый, кто работает в области культуры и соблюдает основные принципы и традиции свободной и идеологически независимой науки»¹²¹. В состав РАГ входят ученые не только из Америки, но и из других стран, в том числе и европейских. Таким образом, в американской группе, имеющей большую жизнеспособность, как бы «растворились» другие, уже исчезнувшие европейские академические группы. Группа существует благодаря членским взносам и пожертвованиям своих членов, и в меньшей степени – финансовой поддержке некоторых русско-американских фондов¹²². Издание ежегодника «Записки Русской академической группы в США» осуществляется благодаря заказам от американских и зарубежных библиотек и университетов, в том числе и российских.

Примечания

¹ По данным В. А. Ионцева, в настоящее время в США сформировалась самая крупная «русская диаспора», оцениваемая в 3 млн человек, тогда как общая численность всей «русской диаспоры» в странах дальнего зарубежья на начало 2001 г. оценивалась примерно в 5 млн человек (по другим данным в 7 млн). См.: *Ионцев В. А. Экономические и демографические аспекты «внешней» миграции населения в России // Ионцев В. А., Лебедева Н. М., Назаров М. В., Окороков А. В. Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. С. 384. См. также: Кабузан В. М. Русские в мире. СПб., 1996. С. 30.*

² Съезды русских академических организаций за границей: первый – 10–17 октября 1921 г. (с. 1–96); второй – 9–16 октября 1922 г. (с. 99–176). Прага; Изд-во Правления Союза РАОЗ, 1923.

³ ОРЭСО – Общество русских эмигрантских студенческих организаций // Информационный Бюллетень ОРЭСО. Прага, 1923. № 5, 10 августа. С. 1.

⁴ Ломшаков Алексей Степанович (1870–1960). Инженер-изобретатель, теплотехник, крупный специалист по паровым котлам. Профессор Санкт-Петербургского политехнического института им. Петра Великого, директор правления Русско-Балтийского завода. Председатель Союза инженеров России. Кадет (член ЦК партии с января 1906 г.), член 1-й Государственной думы от Петроградской губернии. В эмиграции жил в Праге, работал на машиностроительном заводе «Шко-

да», профессор чешского Политехнического института в Праге. Возглавлял административную работу по «Русской акции». Член и почетный председатель Русской академической группы в Чехословакии, Учебной коллегии; с 1921 г. – председатель Союза русских академических организаций за границей; с 1928 г. – председатель Общества русских инженеров.

⁵ Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Вып. 1 (1920–1930). Белград, Издание Русского научного института в Белграде, 1931; Вып. 2 (1930–1940). Ч. 1. 1941.

⁶ См.: *Иванов А. К 250-летию Академии наук. Императорская академия наук на рубеже XIX–XX столетий // Новый журнал. Кн. 1–16. С. 284–297. К концу Гражданской войны за границей работали академики Н. И. Андрусов, П. И. Вальден, В. И. Вернадский, П. Г. Виноградов, Н. П. Кондаков, А. Н. Крылов, М. И. Ростовцев, П. Б. Струве, В. А. Францев, И. В. Ягич (т.е. примерно четверть среднесписочного состава действительных членов), почетные академики П. Д. Боборыкин, И. А. Бунин, Ф. Ф. Зелинский, П. Н. Игнатьев, Н. С. Мальцев, Е. М. Ольденбургский, А. П. Ольденбургский, Н. Н. Романов, член-корреспонденты С. Н. Виноградский, Н. Н. Глубоковский, А. А. Кизеветтер, А. А. Максимов, С. П. Тимошенко, Е. Ф. Шмурло, Ф. А. Щербина и др. Позднее к ним присоединились член-корреспондент Г. А. Гамов, академики В. Н. Ипатьев, Я. В. Успенский и А. Е. Чичибабин. См. также статью: *Колчинский Э. И. Наука и эмиграция: судьбы и цифры // Зарубежная Россия. СПб.: Лики России, 2003. С. 165–169.**

⁷ *Струве П. Б. Русская наука в русской культуре (основные положения и конспективный обзор содержания) // Съезды русских академических организаций за границей... С. 109–110.*

⁸ *Белоусов К. Г. Русская академическая группа в США // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1975. Т. IX. С. 315–316; Жернакова Н. А. О Русской академической группе в США и её «Записках». К 50-летию возникновения Группы в США и к 30-летию публикации «Записок» // Записки Русской академической группы в США (Нью-Йорк). 1966–1997. Т. XXVIII. С. 493–498.*

⁹ Съезды русских академических организаций за границей... С. 3–4, 8.

¹⁰ Там же. С. 8.

¹¹ В довоенные годы прошло пять съездов русских академических организаций за рубежом: I съезд – октябрь 1921 г. (Прага); II – октябрь 1922 г. (Прага); III – декабрь 1926 г. (Прага); IV – сентябрь 1928 г. (Белград); V – сентябрь, 1930 г. (София).

¹² *Ростовцев Михаил Иванович (28.10.1870, Житомир – 20.10.1952, Нью-Хевен, США) – историк античности и археолог. Выпускник Петербургского ун-та (1892). В 1895–1898 – находился в научной командировке за рубежом. В 1899 г. защитил магистерскую диссертацию, а в 1903 г. – докторскую. С июня 1903 г. и до 1918 г. руководил кафедрой древней истории в Петербургском ун-те и кафедрой классической филологии на Высших женских курсах. В 1917 г. избран академиком Российской академии наук. В 1918 г. по приглашению из Швеции выехал в научную командировку от Академии наук, из которой не вернулся. Два первых года эмиграции провел в Англии. В 1920 г. переехал в США; профессор древней истории Висконсинского ун-та в Мэдисоне (1920–1925). В 1925–1939 гг. – профессор древней истории и классической филологии Йельского ун-та, где создал собственную научную школу. Ростовцев принимал участие в организации таких периодических изданий, как «The New Russia», «Struggling Russia», «The New Europe», «Russian Information Bureau», «Новый журнал».*

¹³ *Максимов Александр Александрович (22.1.1874, Санкт-Петербург – 4.12.1928, Чикаго – ученый-гистолог, эмбриолог. Окончил Военно-медицинскую академию (ВМА) и получил в 1898 г. степень доктора медицины. В 1900–1902 гг. проходил стажировку в Германии у немецкого патолога Эрнста Циглера. Вернувшись в Россию, был утвержден в звании профессора кафедры гистологии и эмбриологии ВМА (1903). В 1914 г. вышла в свет 1-я часть учебника Максимова «Основы гистологии» – «Учение о клетке»; 2-я часть «Учение о тканях» опубликована в 1915 г. Эта работа принесла автору огромную известность, как в России, так и за ее пределами. В декабре 1920 г. А. А. Максимов стал членом-корреспондентом Российской академии наук по Физико-математическому отделению, а в феврале 1922 г. с женой и сестрой эмигрировал из России в Финляндию. Затем они переехали в Чикаго, где Максимов получил вначале должность ассистента, а затем – профессора кафедры анатомии Чикагского университета. Здесь в 1922–1928 гг. он провел ряд интересных исследований и за год до смерти в «Руководстве по микроскопической анатомии» В. фон Мелендорфа (1927) опубликовал большую библиографию своих работ по гистологии соединительной ткани, а также работ оставшихся в Советской России учеников и коллег (Н. Г. Хлопина, А. А. Заварзина, С. П. Алфеева, С. В. Мясоедова и др.).*

После скоропостижной смерти Максимова профессор Уильям Блюм, близкий друг семьи, подготовил в США 7 посмертных изданий «Учебника по гистологии». 4 издания вышли также в Испании, 1 – в Португалии и 1 – в Корее.

¹⁴ Съезды русских академических организаций за границей... С. 158.

¹⁵ Федоров Михаил Михайлович (1858–1945) – финансист. Товарищ министра торговли и промышленности в правительстве С. Ю. Витте; в годы Первой мировой войны – член Центрального военно-промышленного комитета. Способствовал созданию Добровольческой армии; член Особого совещания при генерале А. И. Деникине. Эмигрировал из России в начале 1920 г. Жил в Париже. 5 июня 1921 г. был избран товарищем председателя Русского национального комитета (председатель А. В. Карташев); основал специальный Фонд помощи русским студентам за границей (Комитет по обеспечению образования русскому юношеству за границей).

¹⁶ Четвертый съезд русских академических организаций за границей в Белграде (16–23 сентября 1928 г.). Белград, 1929. С. 22–23.

¹⁷ Bulletin of the Russian Historical Society in North America. 2001. Цит. по: Хисамутдинов А. А. Деятельность общин американцев русского происхождения на Тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах 1867–1980-е гг. Дисс. на степень доктора исторических наук. С. 43. (На правах рукописи.)

¹⁸ Окунцов Иван Кузьмич (8. 10. 1874, Тонтай, Забайкалье – 19.4.1939, Нью-Йорк) – журналист и общественный деятель. Окончил Духовную академию в Казани, кандидат богословия. Защитил диссертацию «Педагогические взгляды Льва Николаевича Толстого». Занимался организацией народных училищ в Забайкалье. Издатель газеты «Верхнеундинский листок». В 1905 г. арестован за политическую деятельность и приговорен к смертной казни, замененной на пожизненную каторгу. В августе 1906 г. бежал в Японию, а оттуда в США. Редактор-издатель газеты «Русское слово» (Нью-Йорк). В 1916 г. получил американское гражданство. За пацифистскую деятельность приговорен к 5 годам тюрьмы. Вернувшись в Москву (1917 г.) издавал газету «Трудовой путь». Арестован ГПУ. В 1922 г. вернулся через Забайкалье в США. С 1930 г. жил во Флориде. Автор книги «Русская эмиграция в Северной и Южной Америке». Буэнос-Айрес, 1967.

¹⁹ Петрункевич Александр Иванович (22.12.1875, Плиски – 10.3.1964, Нью-Хевен – зоолог-энтомолог, арахнолог (специалист по паукообразным). В 1894 г. поступил в Московский университет, но вскоре уехал в Германию. Образование завершил во Фрейбурге. Там же в 1900 г. получил степень доктора и преподавал зоологию. В 1903 г. переехал в США. Спустя три года (1906) Петрункевич избран профессором Индианского университета. В 1910 г. занял кафедру профессора зоологии Йельского университета в Нью-Хевене, с которым были связаны 54 года его жизни. Автор многих трудов на английском и немецком языках (свыше 100), включая крупнейшую в мире монографию по американским паукообразным (1911 г.), подготовленную для Британской энциклопедии, а также «Морфологию беспозвоночных», «Натуральную классификацию пауков», «Исследования пауков из янтаря» и др. В 1944 г. он вышел в отставку в звании почетного профессора (профессор эмеритус), однако до конца своих дней продолжал работать в университетской лаборатории, где в его распоряжении была коллекция из 500 пауков, многие разновидности которых были им же открыты и названы его именем. В 1945 г. в его честь Йельский университет издал специальный сборник.

В 1954 г. он избран членом Национальной академии наук США. В течение 15 лет занимал пост президента Академии искусств и наук в Коннектикуте. Научную работу Петрункевич совмещал с переводческой практикой (псевдоним Александр Ян-Рубан). Переводил Пушкина, Байрона, «Слово о полку Игореве». К 100-летию А. С. Пушкина он опубликовал несколько его poem на английском языке.

²⁰ Остромысленский Иван Иванович (8 (9).9.1880, Орел – 16.1.1939, Нью-Йорк) – химик-органик, пионер в области исследований и производства синтетического каучука. Окончил Московское высшее техническое училище (МВТУ) и Высшую техническую школу в Карлсруэ (Германия). С 1907 г. работал в лаборатории неорганической и физической химии Московского университета в должности сверхштатного лаборанта, а с 1909 г. – доцентом. Работы по каучуку (с 1905 г.) он проводил в лаборатории органической и общей химии в МВТУ, а в 1912–1917 гг. – в лаборатории Общества производства и торговли резиновыми изделиями «Богатырь». В 1913 г. вышла в свет его книга «Каучук и его аналоги» – первое отечественное пособие по химии и технологии каучука. В промышленном масштабе методы Остромысленского по производству син-

тетического каучука были реализованы в Германии (1936) и США (1942–1943). В 1918–1920 гг. он руководил химико-терапевтической лабораторией в Научном химико-фармацевтическом институте в Москве, где исследовал структуру и свойства противосифилитического препарата «сальварсан», разрабатывал метод изготовления отечественного аналога, названного им «арсолом», имевшего большое значение для России в годы Гражданской войны и хозяйственной разрухи.

В октябре 1921 г. Остромысленский покинул Россию и уехал в Латвию, а в мае 1922 г. по приглашению д-ра Хопкинсона из американской каучуковой компании «Rubber Company» – дальше в Нью-Йорк. Здесь он продолжил исследования в области химии и технологии каучука и фармацевтической химии в фирмах «Rubber Company» и «Goodyear Airc». В 1925 г. открыл собственную лабораторию. Он также участвовал в создании корпорации для коммерческого производства химиотерапевтических препаратов (пиридина и пиразолона и др.), просуществовавшей в США до 1936 г. В 1930 г. Остромысленский получил гражданство США и перешел на работу в компанию «Union Carbide Corporation». Здесь он разработал новые технологические методы для производства каучука и небьющегося стекла для лобовых автомобильных окон. Остромысленский – обладатель двух докторских степеней: по философии и медицине, присвоенных ему ун-том Цюриха.

²¹ Толстоухов А. В. – профессор, казначей РАГ в САСШ. Личность Толстоухова не идентифицирована по известным библиографическим источникам.

²² Сатина София Александровна (1889, Тамбовская губ. – 1975, США) – ботаник, генетик растений. Двоюродная сестра С. И. Рахманинова. Ассистент кафедры ботаники Московских высших женских курсов. В США с 1922 г., работала в Вашингтоне. Научный сотрудник лаборатории Блейкли Вашингтонского отдела генетики Института Карнеги. См. большую библиографию ее работ в: «Материалы для библиографии русских научных трудов за границей». Белград, 1921; 1941.

^{22а} Сорокин Питирим Александрович [23.01.1889, с. Турья, Яренского уезда., Вологодской губ. – 10.02.1968 г., Уинчестер, штат Массачусетс, США]. Социолог, культуролог, публицист. С июля 1917 г. секретарь премьер-министра Временного правительства А. Ф. Керенского по вопросам науки. В 1919–1921 гг. – профессор социологии Петроградского университета и других вузов. Доктор социологии (1922). 23 сентября 1922 г. был выслан из Советской России и через Берлин уехал в Прагу. Преподавал в Карловом университете, в 1923 г. – председатель Пражского союза русских писателей и журналистов, соредатор журнала «Крестьянская Россия». В октябре 1923 г. переехал в США. В 1924 г. преподавал в Иллинойском (Урбану), Висконсинском (Мэдисон) ун-тах; в 1924–1930 гг. – профессор социологии Миннесотского университета. В 1930 г. принял американское гражданство. В 1930 г. Гарвардский университет предложил Сорокину создать и возглавить новое отделение по социологии. До 1942 г. он занимал пост главы отделения, а затем, работал в университете в качестве профессора социологии еще 17 лет (среди его многочисленных учеников был будущий президент США Джон Кеннеди). В 1936–1937 гг. – президент Международного института социологии; в 1949 г. основал Центр изучения созидательного альтруизма; президент Американского социологического общества и пр. В 1959 г. вышел в отставку. Почетный член Американской академии искусств и наук, Бельгийской и Румынской королевских академий искусств и наук и других.

²³ Энциклопедический словарь Русского библиографического института «бр. А. и И. Гранат и К». 7-е изд. Т. 1. М., 1910. С. 55, 57–58. По данным российского демографа В. М. Кабузана, число выехавших из России с 1861 по 1915 гг. составляло 3 млн 978 тыс. 900 человек. См.: Кабузан В. М. Русские в мире. Динамика численности и расселения. Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 196–197.

²⁴ Migration from the Russian Empire. Lists of Passengers arriving at the port of New York. Vol. 1: January 1875 – September 1882 / Ed. by I. A. Glazer. Baltimore: Genealogical Publishing Co., Inc., 1995. P. VIII.

²⁵ Вернадский В. И. Мысли за океаном. Из неопубликованных путевых впечатлений // Независимая газета. 1998. 11 Марта.

²⁶ См.: Сабенникова И. В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: «Золотая буква», 2002. С. 41.

²⁷ См.: О कोरोков А. В. История эмиграции в России // Ионцев В. А., Лебедева Н. М., Назаров М. В., О कोरोков А. В. Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 33.

- ²⁸ Солженицын А. И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. 1. М.: Русский путь, 2001. С. 308–309.
- ²⁹ О कोरोков А. В. История эмиграции в России... С. 33.
- ³⁰ Нитобург Э. Л. Русские в США. История и судьбы. 1870–1970. Этноисторический очерк. М.: Наука, 2005. С. 31.
- ³¹ Гурвич Исаак (Ицхок – Айзик) Аронович (Адольфович) (1860, Вильно – 1924, США) – политический деятель, экономист, публицист. О нем см.: Российская еврейская энциклопедия (РЕЭ) / Под ред. Г. Г. Брановера. М.: Эпос, 2-е изд. 1994. Т. 1. С. 392.
- ³² Davis J. The Russian Immigrant. N. Y., 1922. P. 9–10.
- ³³ Гардман Яков Вениаминович (Салутский) (1882, Вильно – 1968, США). О нем см.: РЕЭ. 2-е изд. 1994. Т. 1. С. 272–273; Сидоров Н. А. Лев Николаевич Гартман. М., 1930. С. 7–44.
- ³⁴ Вильчур М. Русские в Америке. Нью-Йорк, 1918. С. 21–28.
- ³⁵ Ваксман Соломон Яковлевич (Зелман Абрахам) (1888, Прилуки, Полтавской губ. – 1973, Хайаннис, штат Массачусетс, США) – микробиолог, член Национальной АН США (1942), Американской академии искусств и наук (1948). Окончив экстерном гимназию в Одессе (1910), переехал в США. Образование получил в колледже Ратгерского университета (с 1930 – профессор; с 1940 – заведомом микробиологии). Одновременно был заведующим лаборатории (1931–1942) и директором (1949–1958) созданного им при университете Института микробиологии и отделения морской бактериологии в Океанографическом институте в Вудс-Холе. Автор открытия антибиотиков (термин введен Ваксманом в 1942 г.): актиномицина (1940), стрептотрицина (1942), стрептомицина (1943), неомицина (1949). Основоположник американской школы микробиологов. Нобелевская премия по физиологии и медицине 1952 г. См. его работы: Гумус. Происхождение, химический состав и значение его в природе. М., 1937; Антагонизм микробов и антибиотические вещества. М., 1947. Основные работы посвящены почвенной и морской микробиологии, биологии актиномицетов, микробному антагонизму и др. О нем см.: РЕЭ. 2-е изд. 1994. Т. 1. С. 202–203.
- ³⁶ Винер Шмуэль (1860, Борисов Минской губ. – 1929, Нью-Йорк) – ученый-библиограф, библиофил. О нем см.: РЕЭ. 1994. Т. 1. С. 228.
- ³⁷ Гомберг Мозес (Моисей Георгиевич) (1866, Елизаветград – 1947, Анн-Арбор, штат Мичиган, США) – химик-органик. Доктор философии (1894), профессор химии с 1904. Окончил Елизаветградскую гимназию. После обвинения отца в антиправительственной деятельности семья бежала в США. Окончил Мичиганский университет, до 1892 г. работал там ассистентом. В 1896–1897 гг. совершенствовал образование в Мюнхенском университете под руководством А. Байера и Гейдельбергском – у В. Майера. В 1914–1919 гг. – на военной службе; с 1919 г. – главный химик и советник Артиллерийского ведомства США по производству пороха и отравляющих веществ; в 1927–1936 гг. возглавлял химическое ведомство. Параллельно – работал (до 1936 г.) в Мичиганском ун-те. С 1931 г. – президент Американского химического об-ва. Открыл свободные радикалы, доказал возможность существования трехвалентного водорода, создал первый антифриз. О нем см.: РЕЭ. 1994. Т. 1. С. 350.
- ³⁸ Левин Фишель (Файвус) Аронович (Левен Фозбус Арон Теодор) (25.2.1869, Шавели, Ковенской губ. – 6.9.1940, Нью-Йорк) – крупнейший медицинский биохимик, член Американской национальной академии. В 1891 г. окончил Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге (диплом лекаря) и в марте 1892 г. из-за начавшихся в России антисемитских волнений уехал в США. Сдав экзамены и получив право заниматься частной медицинской практикой, до 1896 г. работал врачом в русско-еврейской колонии в Нью-Йорке (р-н Ист-Сайда). Одновременно посещал лекции по органической химии в Колумбийском университете и занимался химико-физиологическими исследованиями на кафедре физиологии в Колледже по подготовке врачей и хирургов при Колумбийском университете. Затем работал в Институте патологии, но из-за болезни уехал в Европу, где продолжил свое образование у А. Косселя (Марбургский ун-т) и Э. Фишера (Берлинский ун-т). Вернувшись в Нью-Йорк, продолжал работать в Институте патологии, с 1905 г. – в Рокфеллеровском институте медицинских исследований (Нью-Йорк), где заведовал биохимической лабораторией (до 1907 г.), затем – отделом химии (до 1939). Большинство его статей опубликованы в «Журнале биологической химии», учрежденном Рокфеллеровским институтом. Всего он написал свыше 700 статей. О нем см.: РЕЭ. 1995. Т. 2. С. 140; Логинов В. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. / Под. ред. В. В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 1997. С. 345–346.

³⁹ Сарнов Дэвид (1891, Узляны Игуменского уезда Минской губ. – 1971, Нью-Йорк) – инженер, ученый, предприниматель в области радио- и телеэлектроники. В США – с 1900 г. В 1912 г. первым принял сигналы бедствия с тонущего «Титаника». Главный инспектор и зам. главного инженера в «Компании беспроводного телеграфа Маркони», которая в 1919 г. вошла в состав «Радио Корпорейшн оф Америка», в 1930–1947 гг. – ее президент, в 1947–1960 гг. – председатель правления. В 1941–1945 гг. – советник президента Д. Эйзенхауэра по связи. В 1960-е гг. – председатель и директор Национальной радиовещательной корпорации (Эн-Би-Си). Один из создателей телевидения, в том числе и цветного. Бригадный генерал (1944). Член Национального института социальных наук, Британского королевского общества. Награжден орденом Доблестного легиона (1944), медалью «За заслуги» (1946), командор ордена Почетного легиона. О нем см.: РЕЭ. М., 1997. Т. 3. С. 25; *Рейтман М.* Дэвид Сарнов, человек-колокол // Знаменитые эмигранты из России. Очерки о россиянах, добившихся успеха в США. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 62–73.

⁴⁰ Темкин Овсей (р. 1902, Минск – ?) – историк медицины, д-р медицины (1927), профессор (1935), чл. Американской национальной АН (1978). В 1927 г. окончил Лейпцигский ун-т. В 1927–1928 гг. работал в клинике Лейпцига. В 1928–1932 гг. под руководством Г. Зигериста занимался исследованиями в области истории медицины. С 1932 г. – в США, где вместе с Зигеристом принял участие в создании Института истории медицины при Университете Джона Гопкинса; в 1958–1968 гг. возглавлял его. В 1948–1968 гг. – главный редактор «Бюллетеня по истории медицины»; в 1958–1960 гг. – президент Американской ассоциации истории медицины. Член Американского философского общества, Американской Академии искусств и наук. Автор многих статей и книг по истории медицины, в том числе «Падучая болезнь» (1945), «Галенизм. Возникновение и закат медицинской философии» (1973), «Двуликий Янус» (1977). О нем см.: РЕЭ. М., 1997. Т. 3. С. 145.

⁴¹ О нем см.: *Соболев Д. А. В. П. Бутузов* – американский авиаконструктор и планерист XIX века // Российские ученые и инженеры в эмиграции. М.: ПО «Перспектива», 1993. С. 158–166.

⁴² Винер Лео (1862, Белосток, Гродненской губ. – 1939, Нью-Йорк) – историк литературы, лингвист. Учился в 1881 г. – в Варшавском университете, в 1881–1882 гг. в Берлинском политехническом ин-те. В 1882 г. эмигрировал в США. В 1884–1892 гг. преподавал в высшей школе в Канзас-Сити. В 1892–1895 гг. – ассистент профессора кафедры романо-германских языков в ун-те штата Миссури, в 1895 г. преподавал в консерватории в Новой Англии (в Бостоне); с 1896 г. – преподаватель славянских языков и литературы Гарвардского ун-та; с 1911 г. – профессор, с 1930 г. – в отставке со званием заслуженного профессора. Винер составил антологию русской литературы на английском языке (1902–1903); перевел на английский язык собрание сочинений Льва Толстого в 24 томах; автор монографии «Африка и открытие Америки» (1919. Т. 1–3). О нем см.: РЕЭ. М., 1994. Т. 1. С. 227.

⁴³ См.: *Окунцов И. К.* Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967. С. 311, 344, 345.

⁴⁴ См.: *Фрейнкман-Хрусталева Н. С., Новиков А. И.* Эмиграция и эмигранты. История и психология. СПб., 1995; *Пронин А. А.* Историография российской эмиграции. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000.

⁴⁵ См.: *International migrations* / Ed. by W. F. Willcox. N. Y., 1929. Vol. I: Statistics. P. 440–442, 448.

⁴⁶ Там же. См. также: *Эйдингтас А.* Литовская эмиграция в страны Северной и Южной Америки в 1869–1940 гг. Вильнюс, 1989. С. 153, 160.

⁴⁷ См.: *Davis J.* The Russian immigrant. N. Y., 1922. P. 9–10; *Бланк Р. М.* Америка. Париж, 1928. С. 193.

⁴⁸ См.: *Simpson J.* The refugee problem: report of survey. L., 1939. P. 468–470. См. также: U. S. Department of Justice. Immigrant and naturalization service. An immigrant nation: United States regulation of immigration, 1798–1991. Washington, 1991. P. 12; *Davie M. R.* World immigration. N. Y., 1946. P. 378.

⁴⁹ *Marrus M. R.* The United-European refugees in the twentieth century. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1985.

⁵⁰ Русские студенты в Америке // Информационный бюллетень ОРЭСО. Прага, 1924. № 5. 10 августа. С. 9–11.

⁵¹ Там же. С. 10.

⁵² Там же. С. 11.

⁵³ Отъезд русских студентов в Америку из Константинополя // Информационный бюллетень ОРЭСО... С. 13.

⁵⁴ См.: Памятная книжка Соединенных Штатов. Для сведения иммигрантов и иностранцев. Справочник / Сост. Е. С. Барней Бюэл. Национальное общество дочерей Американской революции. 2-е изд. N. Y., 1923.

⁵⁵ См., например: Михеев В. Русские крылья Америки // Авиасалоны мира. 2001. № 6. С. 64–69; Михеев В. Р., Катыхцев Г. И. Сикорский. СПб.: Политехника, 2003.

⁵⁶ Новиков М. М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Прага, 1935.

⁵⁷ Волков В. А. А. Е. Чичибабин и В. Н. Ипатьев – трагические судьбы // Российские ученые и инженеры в эмиграции. М.: ПО Перспектива, 1993. С. 40–71.

⁵⁸ См.: Жидкова А. А. Из истории международного научного сотрудничества в 1920–1930-е годы: стипендиаты зарубежных фондов, ставшие членами Академии наук // Российская академия наук. 275 лет служения России. М.: Янус-К, 1999; Гамов Дж. Моя мировая линия. Неформальная автобиография. М., 1994.

⁵⁹ Нитобург. Русские в США... С. 340.

⁶⁰ См.: Davie M. R. World Immigration. N. Y., 1946. P. 495, 510–512.

⁶¹ Цит. по: Нитобург. Русские в США... С. 359. Закон Джонсона (Johnson Act) был принят 19 мая 1921 г. и действовал до 30 июня 1924 г.; закон Джонсона-Рида (Johnson-Rid Act) был принят 26 мая 1924 г. и действовал с 1 июля 1924 г. по 30 июня 1929 г. См.: Kallen H. M. Culture and democracy in the United States: Studies in the group psychology of the American people. N. Y., 1924. P. 11.

⁶² См.: Hassel J. E. Russian refugees in France and the United States between World Wars. Philadelphia, 1991. P. 89–90.

⁶³ См.: Нитобург. Русские в США... С. 342.

⁶⁴ См.: Simpson. The refugee problem... P. 467; Hassel. Russian refugees in France and the United States... P. 91.

⁶⁵ Закон и суд. 1938. № 8–10. Столб. 4109.

⁶⁶ См.: Тен В. А. Иммиграционная политика США в XVII–XX вв. М., 1998. С. 69. Принцип особых предпочтений предусматривал приоритет по отношению к женам, родителям, братьям, сестрам или детям младше 18 лет, невестам граждан США, иностранцам, находящимся в США, которые подали заявление на прием американского гражданства, а также лиц, служивших в американских вооруженных силах или флоте (например, во время Первой мировой войны).

⁶⁷ См.: Hassel. Russian refugees in France and the United States... P. 36. Обращение к переписи 1890 г. объяснялось тем, что таким путем достигался желательный национальный состав иммигрантов. В 1890 г. в стране было еще сравнительно мало выходцев из Италии и России и пропорционально больше англичан и немцев. Такое соотношение и сочли желательным для будущей иммиграции. Русская квота (для лиц, родившихся на территории в границах тогдашнего СССР) была установлена в размере 2712 человек (См.: Закон и суд. 1938. № 8–10. Столб. 4109–4110).

⁶⁸ Петров В. П. Русские в Америке, XX век. Вашингтон, 1992. С. 19–21.

⁶⁹ См.: U. S. Department of Justice ... An immigrant nation... P. 11.

⁷⁰ См.: Adamic L. A. Nation of nations. N. Y., 1945. P. 195; Eubank N. The Russians in America. Minneapolis, 1973. P. 69; Allen J. P., Turner E. J. We are the people: an Atlas of American ethnic diversity. L., 1988. P. 106.

⁷¹ Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна (1896–1962) – писатель, публицист. Член ЦК партии кадетов (1906). Работала во Всероссийском союзе городов по организации санитарных отрядов. После Февральской революции входила в состав Продовольственного комитета. С марта 1918 г. жила вместе со вторым мужем – английским журналистом Г. Вильямсом – в Лондоне. В эмиграции – одна из создателей «Комитета освобождения России» (Лондон, 1919) и журнала «New Russia». В 1951 г. переехала в США. См.: Борман А. А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Вашингтон, 1964.

⁷² Rostovtzeff M. Memorandum // The New Russia. 1920. Vol. 3. P. 283–285; русская копия текста сохранилась в фонде Ростовцева в архиве Йельского университета, см.: Rostovtzeff Collection № 1133. Картон 28. Ед. хр. 167; см. также: Скифский роман / Под ред. Г. М. Бонгард-Левин. М.: РОССПЭН, 1997. С. 481.

⁷³ См.: Окунцов. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке... С. 291.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р-5930 (2 описи). 151 ед. хр. 1913–1933.

⁷⁵ Первая коллекция документов: Hoover Institution Archives. Hoover Institution on war, revolution and peace. Russia. Posolstvo. U.S.A. Box 13. Folder 13. – 7. 1921, June – December. Вторая коллекция документов: Hoover Institution Archives. Hoover Institution on war, revolution and peace. Russia. Posolstvo. U.S.A. Box 13. Folder 13. – 8. Organizations, 1921–1922. Третья коллекция документов: Hoover Institution Archives. Hoover Institution on war, revolution and peace. Baroness Maria Vrangeli, Box 18. Folder 18.

⁷⁶ См.: Оберучев К. М. Воспоминания: В 2 ч. Нью-Йорк, 1930.

⁷⁷ Целью Общества помощи русским писателям и ученым, основанного К. М. Оберучевым в 1919 г., была помощь голодающим писателям и ученым России. Общество организовало отправку посылок в Дом писателя в Петрограде. Вскоре, однако, советская власть наложила запрет на посылки из-за рубежа, и связь с Домом писателей оборвалась. К тому времени в Западной Европе оказалось немало нуждавшихся российских ученых и писателей, поэтому Общество переключилось на них. После кончины К. М. Оберучева его дело продолжили его соратники. В послевоенные годы за Обществом закрепилось название «Литературный фонд» (в царской России он существовал с 1859 г. и прекратил свою деятельность только при большевиках). Долгие годы его председателем был М. Вейнбаум – главный редактор газеты «Новое Русское Слово». См.: Вейнбаум М. Литературный Фонд. 47-я годовщина существования // Зарубежье. Май. 1965. № 1. С. 13–14.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-5930. Опись документов.

⁷⁹ Ингерман Сергей Михайлович (1868–1943) – врач, член РСДРП, меньшевик. Вместе с Г. Плехановым и П. Аксельродом руководитель группы «Освобождение труда». В эмиграции с 1890 г. В 1908 г. вместе с женой – Анной Самойловной Ингерман (урожд. Амитина, 1869–20 мая 1931, Бруклин), д-ром медицины, – переехал из Швейцарии в США. Возглавлял Русскую социал-демократическую партию в Америке.

⁸⁰ Корф Сергей Александрович, барон (19.2.1876, Санкт-Петербург – 1924) – юрист, доктор права. В 1898 г. окончил Императорское училище правоведения (СПб), а затем – Санкт-Петербургский университет; научная работа в Гейдельберге; служба в Министерстве финансов и связанные с ней многочисленные командировки (Европа, Америка, Китай, Япония); кругосветное путешествие (1903); в 1912 г. принимал участие в редактировании трудов Конференции Красного Креста в Вашингтоне. Доктор права. Профессор Петербургского университета (1905). Автор ряда работ в области государственного и административного права. Готовил к публикации архив М. М. Сперанского. В 1912 г. – профессор Гельсингфорского университета по кафедре международного права. При Временном правительстве – помощник генерал-губернатора Финляндии. После революции 1917 г. остался в Финляндии. С 1918 г. – профессор Колумбийского университета (Нью-Йорк). Читал лекции в Джорджтаунском (Вашингтон) и Джонса Гопкинса (Балтимор) университетах. Был некоторое время сотрудником российского посольства в Вашингтоне. Секретарь Русского информационного бюро, связанного с Комитетом освобождения России, которое выпускало в Нью-Йорке еженедельник «Struggling Russia: A Weekly Magazine Devoted to Russian Problems». Член Нью-йоркского комитета общественной помощи голодающим в России (1921). Автор изданий (СПб): «Дворянство и его сословное управление (1762–1855)» (1906), «История русской государственности» (т. 1, 1908), «Федерализм» (1908), «Административная юстиция в России» (т. I–II, 1910, докторская диссертация) и другие. В США опубликовал монографии: «Иностранная политика России» и «Самодержавие и революция».

⁸¹ Карпович Михаил Михайлович (1888, Тифлис – 7 ноября 1959, Кембридж, США) – историк, публицист, мемуарист. Уроженец Тифлиса. В 1914 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. Помощник ученого секретаря Московского исторического музея. С 1915 г. отбывал воинскую повинность в качестве чиновника Военного министерства. В студенческие годы – эсер, затем кадет. В апреле 1917 г. принял предложение Бахметева, хорошо знавшего семью Карповичей еще по Тифлису, стать его личным секретарем, и в мае уехал с ним в США. С мая 1917 г. до лета 1922 г. – сотрудник русского посольства в Вашингтоне, личный секретарь Б. А. Бахметева. С декабря 1918 г. по июнь 1919 г. находился в Париже, затем вернулся в Вашингтон. С 1923 г. жил в Нью-Йорке. В 1927–1957 гг. преподаватель, впоследствии профессор русской истории в Гарвардском ун-те, в 1949–1954 гг. возглавлял отделение славян-

ского языка и литературы. Принял американское гражданство. С 1943 г. соредактор, в 1945–1959 гг. – главный редактор «Нового журнала». Соредактор сборника «Русский литературный архив» (1956). Автор «Лекций по русской истории» (Париж, 1969, на англ. яз.). Как писал о нем П. Е. Ковалевский: «Карпович опубликовал только один крупный труд »Императорская Россия». Зато он подготовил несколько поколений молодых ученых, которые преподают теперь русскую историю по всей Америке» (Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Париж, 1972. Т. 1. С. 172). Был одним из самых близких Б. А. Бахметеву людей, управляющим основанного им Гуманитарного фонда; после смерти Бахметева – его душеприказчик. Возглавлял Общество российских эмигрантов в Бостоне.

⁸² Балдин С. Ф. (1871 – 28 апреля, 1961, Джамейка, США) – генерал-майор, профессор, военный инженер. В 1887 г. окончил Симбирский кадетский корпус; в 1890 г. – Николаевское военное училище, в 1896 г. – Инженерную академию в СПб.; читал лекции в Петроградском техническом училище. Впервые приехал в США в годы Первой мировой войны во главе миссии, закупавшей у американских промышленников военное снаряжение. В 1917 г. вернулся в Россию с докладом. После революции в 1919 г. бежал из России и возвратился в США. Работал инженером в различных американских компаниях. Автор нескольких книг по инженерному делу. Член Русского инженерного общества в США и учредитель РАГ и Русского академического союза в Северной Америке.

⁸³ Бахметев Б. А. (20.7.1880, Тифлис – 21.7.1951, Нью-Йорк) – инженер-гидравлик, ученый, крупный дипломат, политический и общественный деятель. В 1889 г. окончил 1-ю Тифлисскую гимназию, поступил в Институт путей сообщения в Петербурге. После окончания направлен на два года за границу для подготовки к преподавательской деятельности. Год провел в Швейцарии, где в Политехническом институте Цюриха изучал гидравлику, а затем в Америке (1904) год изучал методы инженерной работы, практикуясь на постройке канала Эри (штат Нью-Йорк). Бахметев был крупной фигурой среди русских социал-демократов. На IV съезде РСДРП, в 1906 г., избран в состав ЦК партии от меньшевиков. В сентябре 1905 г. начал работать на кафедре гидравлики Политехнического института. После защиты докторской диссертации работал как штатный преподаватель на этой кафедре. В январе 1913 г. назначен экстраординарным профессором по кафедре прикладной механики. Преподавал гидравлику, гидроэнергетику, теоретическую и прикладную механику. В 1912 г. изданы его «Лекции по гидравлике», в 1914 г. – монография «Переменные потоки жидкости в открытых каналах». Открыв собственную фирму, участвовал в проектировании некоторых крупных гидроэнергетических и ирригационных объектов. Строительство некоторых из них реализовано только при советской власти. С целью изучения инженерного дела до войны побывал в Америке. В 1915–1916 гг. вновь направлен в США почти на год для ускорения военных поставок. В 1917 г. назначен товарищем министра торговли и промышленности во Временном правительстве. Привлек внимание тогдашнего министра иностранных дел, который искал подходящего кандидата на место в Вашингтоне. С началом войны, в сентябре 1915 г., Бахметев включился в работу Красного Креста, был членом Военно-промышленного комитета и Закупочной комиссии, занимавшейся поставками из США и Англии в Россию (1916). 9 марта 1917 г. направлен Временным правительством в США в ранге товарища министра промышленности и торговли при министре А. И. Коновалове с оставлением в должности профессора Петербургского политехнического института. Вскоре, 25 апреля 1917 г., указом Временного правительства назначен послом, а точнее – начальником Российской чрезвычайной миссии в США с возложением на него на время пребывания миссии в США управления Российским посольством в Вашингтоне и присвоением на это время звания чрезвычайного и полномочного посла. 5 июля 1917 г. Бахметев вручил верительные грамоты президенту Вудро Вильсону. Американское правительство после двухнедельной паузы подтвердило его дипломатический статус, отказавшись иметь какое-либо дело с большевиками. Пять лет он оставался на посту российского посла, оказывая заметное влияние на формирование американской политики по отношению к России. Бахметев входил в координационный орган – Совещание послов (создан в конце ноября 1917 г. в Париже), включавший М. Н. Гирса (Италия), К. Д. Набокова (Англия), М. А. Стаховича (Испания), И. Н. Ефремова (Швейцария) и В. А. Маклакова (Франция), и был самым активным его участником.

Бахметев занимался беженцами из России, участвовал в подготовке документов для Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. Как пишет один из биографов Б. А. Бахметева

О. В. Будницкий: «Предоставленные американским правительством Временному правительству займы и кредиты на военные цели, остались на счетах посольства после Октябрьской революции и были использованы для финансирования белого движения. Существование самого посольства также фактически поддерживалось за счет прямого или опосредованного (продажа имущества, ранее закупленного для кредитов американского правительства) использования средств, отпущенных давно не существующему Временному правительству» (*Будницкий О. В. Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3 томах. Т. 1. Август 1919 – сентябрь 1921. РОССПЭН, Гуверовский ин-т, Москва – Стэнфорд, 2001. С. 82).*

После крушения армий Колчака и Деникина в 1920 г. деятельность Бахметева в качестве посла в значительной степени потеряла смысл, но тогда Госдепартамент США счел ее ликвидацию преждевременной и посоветовал Бахметеву повременить. Но через два года его вызвали в Сенатскую комиссию и Госдепартамент и уведомили, что как посол он находится вне юрисдикции американских учреждений, включая Конгресс. 30 июня 1922 г. Бахметев ушел в отставку, подав заявление на имя государственного секретаря США Чарльза Хьюза. Оставшимися неурегулированными финансовыми вопросами продолжил заниматься С. А. Угет, который, помимо своих обязанностей финансового агента, принял на себя обязанности поверенного в делах. Деятельность представительства была перенесена в Нью-Йорк, поскольку основные финансовые дела посольства велись там. С. А. Угет фактически исполнял обязанности российского представителя вплоть до признания СССР Соединенными Штатами в 1933 г. (*Bakhmeteff B. Oral History Memoir. P. 539–541*).

Поселившись в Нью-Йорке, Бахметев открыл Консультационное агентство по вопросам инженерного дела и международных экономических отношений, преимущественно торговли. Однако когда дело не пошло, он переключился на предпринимательство. С небольшой группой компаньонов он основал спичечную фабрику, быстро ставшую одной из четырех крупнейших спичечных фабрик США. Успех на предпринимательском поприще дал ему возможность вернуться к своей прежней профессии инженера. Он стал профессором Колумбийского университета, где читал лекции по гидравлике, и был согласен работать без жалованья в обмен на предоставление ему лаборатории для научных экспериментов. Стараниями Бахметева в Колумбийском университете основан инженерный факультет. В 1934 г. он принял американское гражданство и, по словам его юриста и друга Фредерика Кудерты, был твердым приверженцем американской конституции и избирательной системы.

В 1932 г. Бахметев издал в США книгу «Гидравлика открытых каналов» (*«Hydraulics of Open Channels»*), а в 1934 г. лекции, прочитанные им в Принстоне, «Механика турбулентного движения» (*«Mechanics of Turbulence»*). За последнюю работу, переведенную на несколько языков, он удостоен большой медали Общества дипломированных инженеров Франции. В честь 70-летия Бахметева в США вышла книга, написанная 14 выдающимися американскими учеными-гидравликами. Еще с 1917 г. он входил в Американское общество гражданских инженеров, а в 1945 г. избран его почетным членом. Он участвовал в реформировании инженерного дела в США и стал одним из учредителей (1945) и председателем (1950) Инженерного фонда, оказывавшего поддержку исследованиям в области инженерного дела. Бахметев также стал одним из членов-учредителей Американского национального фонда научных исследований, входил в Национальный внешнеполитический совет, Ассоциацию прогресса науки, Академию наук штатов Нью-Йорка и Коннектикут. Его научные заслуги отмечены почетными премиями Дж. Лори (1937) и Дж. Стивенса (1944).

После того как в 1933 г. США признали СССР, Бахметев прекратил полностью свою политическую деятельность, не видя в ней смысла, но продолжая общественную деятельность. В 1936 г. он стал основателем и директором Гуманитарного фонда и Фонда помощи русским студентам. На нужды Гуманитарного фонда он направлял средства, заработанные в «спичечном бизнесе». Наконец, на средства Бахметева основан Архив русской и восточноевропейской истории и культуры в Батлеровской библиотеке Колумбийского университета, известный среди исследователей как «Бахметевский архив» под управлением Л. Ф. Магеровского. Скончался 21 июля 1951 г., на 72-м году жизни, близ Нью-Йорка.

⁸⁴ Ботезат Георгий Александрович (7.6.1882, Санкт-Петербург – 1.2.1940, США) – авиаконструктор. Родился в дворянской семье. Учился на механическом отделении Харьковско-го технологического института и в 1905–1907 гг. в Электротехническом институте Монтефо

в Бельгии. По возвращении в Россию в 1908 г. защитил диплом инженера-технолога. В 1908–1909 гг. продолжил свое образование в Геттингенском и Берлинском университетах. В 1910 г. приехал в Париж, где через год в Сорбонне защитил докторскую диссертацию на тему «Исследование устойчивости самолета». Вернувшись на родину (1911), получил должность преподавателя по курсу воздухоплавания в Санкт-Петербургском политехническом институте; работал также в аэродинамических лабораториях Офицерской воздухоплавательной школы, Центральной научно-технической лаборатории Военного ведомства, Технологического института и др. С 1914 г. – профессор Донского политехнического института (Новочеркасск).

С началом Первой мировой войны Ботезат вернулся в Петроград. Весной 1916 г. вошел в состав Технического комитета Управления Военно-воздушного флота Военного министерства. В 1914 г. приглашен на должность главного конструктора авиационного отделения Акционерного общества электромеханических сооружений «Дека». Первый самолет его конструкции был построен в октябре 1917 г. В мае 1918 г. Ботезат вынужден покинуть страну – он был приглашен работать экспертом в Национальном консультативном комитете по авиации США, а также читать лекции в Массачусетском технологическом институте и Колумбийском университете. В 1921 г. командование ВВС армии США предложило Ботезату осуществить постройку вертолета его собственной конструкции в исследовательском авиационном центре Райт-Филд (Дейтон). Он поднялся в воздух в декабре 1922 г. Это был первый вертолет армии США. Однако американские военные сочли производство вертолетов преждевременным и прекратили финансирования работ. В 1926 г. Ботезат основал в Нью-Йорке собственную фирму «Де Ботезат Импелле Компани» по выпуску осевых вентиляторов, которые были установлены на новые американские крейсера и в производственные и жилые здания. Его фирма, большинство сотрудников которой составляли русские эмигранты, была принята в состав крупного концерна. В 1936 г. Ботезат вернулся к постройке вертолетов. Вместе с Б. В. Сергиевским он основал фирму «Air-Screw Research Syndicate». Первый экспериментальный образец – вертолет СВ-2 – построен в 1938 г., а более совершенная модель СВ-5 – в 1940 г. Завершить испытания и доводку новой модели не удалось. В том же году Ботезат скончался во время операции на сердце в возрасте 58 лет. См.: *Мухеев В. Р.* Золотая книга. 1997. С. 105–107; *Мухеев В. Р.* Российские ученые и инженеры-эмигранты (1920–50-е годы): <http://www.iht.ru/projects/emigrants/>.

⁸⁵ Васильев Сергей Александрович (1883 – 11.3. 1962, Нью-Йорк) – инженер, исследователь Сибири. Окончил Казанскую гимназию и Институт путей сообщения в СПб. До Первой мировой войны работал инженером-путейщиком на Дальнем Востоке. После Февральской революции занимал пост министра путей сообщения. В эмиграции женился на актрисе МХАТа и театра «Летучая мышь» Т. Х. Дейкархановой. Недолго жил в Югославии, куда был приглашен для строительства мостов. Вскоре переехал в США. Работал по специальности на американских предприятиях. Читал лекции по истории искусства.

⁸⁶ Виннер Николай Владимирович – один из преподавателей Русского народного университета в Нью-Йорке в 1919–1927 гг. См.: *Окунцов И. К.* Русская эмиграция в Северной и Южной Америке... С. 291.

⁸⁷ Гольдштейн Иосиф Маркович (1868–1939, Нью-Йорк) – экономист, профессор политэкономии Московских высших женских курсов, д-р политэкономии. Преподаватель Московского коммерческого института и Императорского Московского технического училища. В 1916 г. редактировал в Москве журнал внешней политики и права «Проблемы великой России». Сотрудник газеты «Русское слово». После 1917 г. эмигрировал в США, где основал Фонд помощи русским ученым, писателям и артистам.

⁸⁸ Гальцов Павел Семенович (1887–1979, США) – биолог, профессор. В 1910 г. окончил Московский университет и через два года успешно защитил докторскую диссертацию. Преподавал в университете вплоть до 1914 г., когда его назначили директором Севастопольской биологической станции Российской академии наук. В 1920 г. Гальцов с женой покинули Севастополь за несколько часов до прихода большевиков. Прибыв в Америку в 1925 г., он занялся научной деятельностью; участвовал в организации лаборатории по изучению моллюсков в Вудс Хоул (штат Массачусетс), которой бессменно руководил вплоть до выхода на пенсию в 1957 г. Гальцов прославился в научных кругах как выдающийся специалист в области морской зоологии (зоология устриц, губок, моллюсков). Он был избран членом Американской ассоциации научного прогресса Нью-Йоркской академии наук и ряда других американских и международных научных обществ.

В 1964 г. вышла в свет его монография «Американская устрица», где он подвел итоги своей многолетней научной деятельности. Гальцов неоднократно выполнял важные государственные поручения, выезжал за границу по приглашению иностранных правительств, консультировал в Государственном департаменте. На учредительной конференции ООН в Сан-Франциско в 1945 г. Гальцов был в составе трех редакторов, обрабатывавших все официальные переводы конференции. Сотрудничал с газетой «Новое Русское Слово». Гальцов скончался 11 сентября 1979 г. в доме для престарелых близ Фалмута (штат Массачусетс) в возрасте 92 лет.

⁸⁹ Данчакова Вера Михайловна – ее личность не идентифицирована по известным библиографическим источникам.

⁹⁰ Ковальский Казимир Адольфович (1878–1933) – прозаик, эссеист, переводчик, журналист. В эмиграции с 1920 г. Скончался в Турине.

⁹¹ Возможно, в списке допущена ошибка, и речь идет о Николае Николаевиче Покровском (1865, Санкт-Петербург – 1930) – юристе, политическом и государственном деятеле, который после Февральской революции 1917 г. возглавлял «Русско-Американский комитет содействия экономическому сближению России и США».

⁹² Полушкин Евгений Петрович (около 1881–1964, Нью-Йорк) – ученый-металлург. Занимал кафедру металлургии в Стивенсоновском институте металлургии. Профессор. Последняя его монография «Характеристика структуры металлов» готовилась к печати в издательстве «Эльзевир» в Амстердаме. Принимал участие в ряде общественных организаций (член ревизионной комиссии Литфонда и др.). Скончался на 84-м году.

⁹³ Стадниченко Таисия Максимовна – ее личность не идентифицирована по известным библиографическим источникам.

⁹⁴ Речь идет о Джоне Дэвидсоне Рокфеллере-старшем, учредившем благотворительный фонд. Поначалу фонд был ориентирован только на Америку, но со временем в орбиту его деятельности стали включаться и другие страны. Так, в 1921 г. Рокфеллеровский фонд и Комиссия Гувера обратили внимание на кризисную ситуацию в России – на разруху, голод и нищету. В 1923 г. Американская администрация помощи АРА (American Relief Administration) развернула в России работу по оказанию помощи голодающим, а Рокфеллеровский фонд стал помогать России медикаментами и продуктами. Параллельно фонд помог русским беженцам в Константинополе. Фонд регулярно оказывал финансовую поддержку русским профессорам и студентам в эмиграции через Русский студенческий фонд и Всемирную федерацию христианских студентов. Помощь студентам в Советской России шла через Фонд студенческой взаимопомощи. См.: Кожевников А. Б. Филантропия Рокфеллера и советская наука // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 2. С. 80–111.

⁹⁵ Письмо М. И. Ростовцева – А. В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу от 4 ноября 1923 г. // Скифский роман... С. 492–493.

⁹⁶ Омельченко Е. И. – член Чрезвычайной миссии Временного правительства в США от Министерства промышленности и торговли, возглавляемой Б. А. Бахметевым. Эмигрировал в США после Октябрьской революции. Автор книги «К вопросу об организации российской колонии» (Нью-Йорк, 1917).

⁹⁷ Бородин Николай Андреевич (23.11.1861, Уральск – 22.12.1937, Кембридж, США) – государственный деятель, статистик, ученый-ихтиолог. После окончания Санкт-Петербургского университета служил в Военном ведомстве. В 1891–1892 гг. впервые посетил США с научной целью. В 1896–1906 гг. – старший специалист по рыбоводству при Департаменте земледелия. Издатель и редактор в Санкт-Петербурге газет «Вестник казачьих войск» (1900–1903 гг.) и «Областное обозрение» (1903–1904 гг.). Член I-й Государственной Думы от Уральской области. Вплоть до революции 1917 г. продолжал принимать деятельное участие в работе партии кадетов и одно время был членом ее ЦК. В 1915 г. – один из основателей и товарищ председателя Общества сближения между Россией и Америкой, образованного в Петербурге. В 1915–1917 гг. редактировал «Известия» этого общества. В 1917 г. выехал в США в составе Чрезвычайной миссии Временного правительства, как представитель Министерства земледелия. Автор (совместно с М. И. Волковым) книги «Сельскохозяйственная Америка во время войны» (М., 1918). Осенью 1917 г. вернулся в Россию и оставался там после большевистского переворота. Участник контрреволюционного Национального центра в Москве, а затем антибольшевистских организаций на Урале и Сибири. Колчаковец. Весной 1919 г. приехал в США с поручением экономического характера. В Сибирь он вернуться уже не мог ввиду падения Омского правительства. Перешел на

положение эмигранта, жил в США. Работал в Музее естественных наук. С 1931 г. профессор Гарвардского университета, заведующий рыбным отделом Естественного музея Гарвардского университета. Принимал деятельное участие в общественно-политической жизни русской колонии, сотрудничал с русской и американской прессой. В 1930 г. опубликовал в Берлине и Париже свои воспоминания.

⁹⁸ Ломоносов Юрий Владимирович (24.4.1876, Гжатск – 19.11.1952, Монреаль) – инженер в области железнодорожного транспорта, ученый, государственный деятель. См. о нем: Iurii Vladimirovich Lomonosov (1876-1952) // *Alpin H. A. Catalogue of the Lomonosoff Collections. Leeds: Leeds University Press, 1988. P. VII–XX.*

⁹⁹ Угет Сергей Антонович (1886, Санкт-Петербург – 9.5.1963, Нью-Йорк) – экономист, последний коммерческий атташе русского (царского, а затем Временного) правительства в Вашингтоне. Окончил экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института (1903–1908). В США прибыл в 1917 г. С января 1917 г. по 1 мая 1918 г. – уполномоченный Министерства финансов и заведующий финансовым отделом в Русском заготовительном комитете; с 1917 г. причислен к российскому посольству в Вашингтоне в качестве агента Министерства финансов; с 1918 г. по 1920 г. – начальник отдела по снабжению при посольстве. После падения царского правительства и прихода к власти Временного правительства Угет остался служить в посольстве вместе с послом Б. А. Бахметевым. Ближайший сотрудник и доверенное лицо Бахметева. Исполнял обязанности поверенного в делах с 3 декабря 1918 г. по 1 августа 1919 г. В 1925 г. после роспуска Коллегии попечителей Национального фонда Угет отвечал за судьбу российских казенных средств, поступивших в США и обращенных в акции East Trade Bank в Лондоне. В 1922 г., когда Бахметев подал в отставку, Угет оставался главой российского представительства до 1933 г., когда Рузвельт подписал с Москвой соглашение о признании правительства большевиков. Тогда Угет стал американским гражданином. С 1952 по 1955 гг. – управляющий фирмой «Лайон Мекеникал Воркс» – филиалом спичечной компании «Лайон Матч Компани». Скончался 9 мая 1963 г. на 78-м году жизни в приюте для престарелых.

¹⁰⁰ Новицкий Владимир Иосифович (1890–1968) – управляющий делами Финансового совета, заместитель председателя распорядительного комитета при Совещании послов, образованного в Париже в феврале 1921 г. В США прибыл в 1917 г. вместе с Б. А. Бахметевым в качестве уполномоченного Министерства финансов; в июне – ноябре 1919 г. заместитель министра финансов в правительстве А. В. Колчака; в начале 1920 г. вернулся в США. В сентябре 1920 г. уехал в Европу заместителем Главноуполномоченного по финансово-экономическим делам К. Е. фон Замена, в январе 1921 г. сменил его на этом посту.

¹⁰¹ О судьбе оставшихся в Америке сотрудников дипломатических служб см.: *Вильчур. Русские в Америке...* С. 98–99; *Окунцов. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке...* С. 98; 369–370; 382–389. *Higham J. Strangers in the Lands: Patterns of American Nativism, 1860–1925. New Brunswick, 1988. P. 254–261; Handlin O. R. Nationality in American life. New York, 1957. P. 77; Hassell. Russian Refugees in France and United States...* P. 2, 5–6, 8.

¹⁰² См.: *U. S. Department of Justice ... An Immigrant Nation...* P. 11, 15, 17; *Нитобург. Русские в США...* С. 106.

¹⁰³ Оберучев К. М. ГАРФ. Ф. Р-5930, 2 оп. 151 ед. хр. 1913–1933.

¹⁰⁴ *Тимошенко С. П. Воспоминания. Киев: Наукова Думка, 2-е изд. 1993. С. 299. (Первое издание вышло в 1963 г. в Париже.)*

¹⁰⁵ Письмо М. И. Ростовцева – А. В. Тырковой-Вильямс от 14 декабря 1924 года // *Скифский роман...* С. 495.

¹⁰⁶ Письмо А. И. Петрункевича – Г. В. Вернадскому от 25 сентября 1921 г. Цит. по: *Колчинский Э. И. Наука и эмиграция...* С. 165–169.

¹⁰⁷ Г. В. Вернадский – родителям, 31 декабря 1933 г. // *BAR. Vernadsky Papers. Box 230. Цит. по: Болховитинов Н. Н. Русские ученые эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. М.: РОССПЭН, 2005. С. 79–81.*

¹⁰⁸ См.: *Hassell. Russians refugees in France and the United States...* P. 69; *Encyclopedia of Associations. 28th Ed. Detroit, 1994. Vol. 1, part 2. P. 1168.*

¹⁰⁹ См.: *Wiren A. R. The Russian Student Fund // The Russian Review. 1945 (Autumn). Vol. 5. N. 1. P. 104–110.*

¹¹⁰ *Hassell. Russians refugees in France and the United States...* P. 72, 80.

¹¹¹ Ibid. P. 76–77, 80; См. также: *Борзов Н. В.* Иван Васильевич Кулаев (1857–1941). Культурно-биографический очерк. Сан-Франциско: Изд-во Благотворительно-просветительского фонда им. И. В. Кулаева, 1955.

¹¹² См.: *Нитобург.* Русские в США... С. 146.

¹¹³ См.: *Окунцов.* Русская эмиграция в Северной и Южной Америке... С. 298–299.

¹¹⁴ Толстовский фонд, созданный на квартире Б. А. Бахметева как «Комитет помощи всем нуждающимся русским». В числе его основателей: А. Л. Толстая, Б. А. Бахметев, С. В. Рахманинов, Б. В. Сергиевский, М. А. Ростовцев, графиня С. В. Панина, Т. А. Шауфус, американцы – Э. Колтон и юрист Гревс. Затем к числу его основателей добавились И. И. Сикорский и А. Р. Вирен. Почетным председателем фонда стал экс-президент США Г. Гувер.

¹¹⁵ См.: *Шевеленко И.* Материалы о русской эмиграции. 1920–1930 гг. в собрании баронессы М. Д. Врангель. Архив Гуверовского ин-та в Стэнфорде: Stanford, Slavic Studies, Vol. 9. 1995. P. 22.

¹¹⁶ ГАРФ. Пушкарев С. Г. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 213. Переписка с П. А. Сорокиным. 1930–1936. Л. 3–4. Письмо от 16 мая 1930 г., от руки.

¹¹⁷ Там же. Л. 13–13об. Письмо П. Сорокина от 11 января 1935 г. От руки на бланке Harvard University. Department Sociology. Emerson Hall. Cambridge, Mass., U.S.A.

¹¹⁸ Аббревиатура от английского выражения «displaced persons» – перемещенные лица в Мюнхене. Университет был создан в 1945 г. под эгидой УНРРА (United Nations Relief and Rehabilitation Administration) – Международной организации по защите и реабилитации при ООН, на которую были возложены заботы о жертвах войны. В составе группы, прибывшей в США из Германии и принявшей участие в организации РАГ в США, профессора-эмигранты послеоктябрьской волны: А. Н. Митинский, А. Д. Билимович, К. Г. Белоусов, В. И. Свинтицкий и Г. К. Брижицкий.

¹¹⁹ Новиков Михаил Михайлович (1876–1965) – зоолог, сравнительный анатом, крупный общественный деятель. Профессор зоологии и сравнительной анатомии Московского университета (1911, 1916–1920). В 1911–1916 гг. – профессор Коммерческого института в Москве. В 1919–1920 гг. – ректор Московского университета. В 1922 г. в составе «философского парохода» был изгнан из России. Ректор Русского (1923–1939) и чешского Карлова университетов в Праге, Братиславского университета (1939–1945), университета для «перемещенных лиц» при УНРРА в Мюнхене (1946–1947), Мюнхенского и Регенсбургского университетов (1947–1948), действительный член Нью-Йоркской академии наук (с 1957), один из организаторов и многолетний председатель Русской академической группы в США (1951–1965).

¹²⁰ Bakhmeteff Archive (BAR), M. M. Novikov Collection, Columbia University Libraries, Box 1–6. Box 5. Subject File UNRRA University Munich.; BAR, M. M. Novikov Collection. Box 5. Akademicheskaja Grupa – Universitet M. Lomonosova.

¹²¹ *Жернакова Н. А.* О Русской академической группе в США и о ее «Записках» // Записки Русской Академической группы в США (Нью-Йорк). 1996–1997. Т. XXVIII. С. 495. Первым председателем послевоенной РАГ в США (1948–1951 гг.) был профессор Е. В. Спекторский, бывший ректор Киевского университета и один из наиболее крупных русских специалистов по философии, социологии и государственному праву; вторым (1951–1965 гг.) – профессор М. М. Новиков. Третьим председателем (1966–1970 гг.) – профессор А. А. Боголепов, бывший проректор Петроградского университета; профессор административного права в Праге, профессор канонического права – в США. Четвертым (1971–1977 гг.) – профессор Н. С. Арсеньев, бывший профессор богословия в Кёнигсбергском университете и в других европейских и американских университетах; религиозный философ, культуролог. Пятый председатель (1978–1982 гг.) – профессор русского языка и литературы А. П. Оболенский. С 1982 г. Русскую академическую группу возглавляет профессор русского языка и литературы в Нью-Йорке Н. А. Жернакова.

¹²² *Жернакова Н. А.* О Русской академической группе... С. 495.

Материалы к биографиям ученых и инженеров

Е. Ф. БУРШТЕЙН

ПЕТР ЧИХАЧЁВ: ЗАГАДКИ И «БЕЛЫЕ ПЯТНА» БИОГРАФИИ

Петр Александрович Чихачёв (1808–1890) – выдающийся географ, геолог и путешественник XIX в., почетный член и член-корреспондент академий наук нескольких стран, известен как исследователь Алтая и Западного Саяна, Малой Азии, Италии и юга Франции, Испании и стран Северной Африки, а также как автор статей и брошюр по вопросам европейской политики. Большую часть жизни Петр Чихачёв провел за рубежом, фактически став эмигрантом (позднее Россию покинул и его младший брат Платон Александрович, тоже известный путешественник). Результаты исследований П. А. Чихачёва до середины XX в. в России практически не публиковались. Из 136 печатных работ, приведенных в наиболее полной библиографии трудов Чихачёва, лишь 8 статей и заметок, не принадлежащих к числу наиболее значимых, опубликованы на русском языке.

В 1940–1990-е гг. неизменным переводчиком трудов и биографом ученого был В. В. Цыбульский¹. По его данным о Чихачёве писали другие авторы. Более ранняя информация содержится в основном в биографических очерках конца XIX в. Геодезист И. И. Стебницкий воспроизводит данные о П. А. Чихачёве, сообщенные его братом Пл. А. Чихачёвым в письме вице-президенту Императорского русского географического общества (ИРГО) П. П. Семенову, а писательница Н. А. Белозерская, помимо данных И. И. Стебницкого, использует труды П. А. Чихачёва и его «устные рассказы» в воспоминаниях брата и племянника – Ф. Пл. Чихачёва².

Отдавая должное огромной работе, проделанной В. В. Цыбульским, приходится отметить, что его объективно сложившееся монопольное положение в исследованиях биографии и трудов Чихачёва привело к тому, что допущенные им неточности и недостаточно обоснованные выводы стали повторяться другими. В этом же ряду стоят и умолчания (или только беглые намеки) об участии Чихачёва в неофициальной внешнеполитической деятельности Министерства иностранных дел (МИД) России – важном элементе его жизни и путешествий.

До сих пор недостаточно ясны мотивы и обстоятельства эмиграции П. А. Чихачёва. В. В. Цыбульский (1996) настаивал на политическом характере эмиграции: «Как известно, в царской России его труды, главным образом, по политическим со-

¹ См.: Цыбульский В. В. П. А. Чихачёв – выдающийся исследователь Алтая. Кемерово, 1959; П. А. Чихачёв – исследователь, путешественник. М.: Географгиз, 1961; Петр Александрович и Платон Александрович Чихачёвы. М.: Наука, 1988; Научные экспедиции по Казахстану (А. Гумбольдт, П. Чихачёв, Г. Щуровский). Алма-Ата: Казахстан, 1988; Петр Александрович Чихачёв (1808–1890) // Творцы отечественной науки. Географы. М.: АГАР, 1996. С. 156–167.

² Стебницкий И. И. Петр Александрович Чихачёв // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 27. 1891. Вып. 1. С. 1–10; Белозерская Н. А. Петр Александрович Чихачёв: Биографический очерк // Вестник Европы. 1893. Т. 6. Кн. 11. С. 162–213.